

Людмила Милославец

Наследие викинга

Книга 1

*Вода и камень — вечная любовь!
В часы затишья нежное касанье,
Любовный шепот, робкий поцелуй.
В часы разгула бешеной стихии
Безумной страсти громкий крик и стон:
Слиянье двух миров — воды и камня!*

Пролог

Франция, 1661 год.

История рода де Морель начинается в те далёкие и смутные времена, когда территории многих государств подвергались непрерывным нападениям норманнов.

Совершая опустошительные набеги, скандинавы приносили немало бед. Подходя к берегам на быстроходных и драконоподобных судах, викинги под предводительством своих вождей, ярлов, нападали внезапно, грабя и убивая, сеяли ужас среди местного населения. Их набеги

приравнивались к таким бедствиям, как засуха и чума. В те времена даже существовала молитва об избавлении от норманнов.

Со временем викинги стали совершать походы не только ради наживы, но и для завоевания новых владений. Так, в 911 году ярл Ролло вынудил французского короля Карла Простоватого отдать север Франции, образовал герцогство Нормандия и стал герцогом Роланом Нормандским.

Замок Моро Драг (чёрный дракон) был основан в начале десятого века Тьёдвальдом Темным — могучим и свирепым викингом, прибывшим на берега Франции с дружиной Ролана. Местные феодалы и крестьяне побаивались Тьёдвальда и говорили, что он продал душу дьяволу: Тьёдвальд был необычайно силен и, казалось, годы не имели над ним власти. За ним закрепилось прозвище Морель, что значит «тёмный», и впоследствии, когда в 1539 году во Франции вышел указ о фамилиях, осталось за его потомками.

Моро Драг каменной громадой нависает над водами Атлантического океана, тяжёлые тёмные волны которого с грохотом разбиваются о высокий и неприступный утёс. Древние стены замка увиты тяжёлыми ветвями дикого винограда и плюща. Круглый фундамент старинного донжона лежит в основании дворца. Позднейшие надстройки

придали зданию вид законченного и красивейшего архитектурного ансамбля. Замковый дворец с высокими стрельчатыми окнами и балконами украшен многочисленными скульптурами и барельефами в виде стилизованных драконов. Моро Драг представляет собой великолепное и величественное зрелище. Обнесённый двумя рядами крепостных стен со сторожевыми башнями, глубоким рвом и подъёмными мостами, он и по сей день может стать, в случае необходимости, неприступной крепостью.

К замку прилегают обширные земельные угодья. Буковые, тисовые и сосновые леса, пашни и пастбища. Крестьяне нескольких селений снабжают своего сеньора провизией, прекрасным сидром и кальвадос. А также знаменитыми сырами, рецепты которых хранятся в строжайшей тайне и являются гордостью местных сыроделов.

Тьёдвальд, основатель рода де Морель, был человеком умным, предприимчивым и дальновидным. Он дал сыновьям, а через них и остальным потомкам, наказ следовать двум правилам во имя сохранения рода: не жениться на кровных родственницах и любым способом, даже не совсем легальным, хранить род от разорения. Он искусно скрывал ото всех способы приумножения капитала и передал это умение потомкам.

Маркиз Антуан Жермен Себастьян де Морель,

прямой потомок Тъёдвальда и владелец замка, содержит его в отличном состоянии. Внутреннее убранство родового гнезда обставлено по последней моде: в пышном и страстном стиле барокко. Стены малых залов и огромного центрального украшают бесценные гобелены, настенная роспись, картины и портреты славных предков древнего рода. Отапливают залы огромные каминь, украшенные флорентийской мозаикой.

Обладая от природы весёлым характером и способностью легко сходитьсь с людьми, де Морель, хотя и не был особой, приближенной к королю, имел при дворе выгодные связи. Маркиз через подставных и доверенных лиц вёл обширную торговлю, владел несколькими судами, разводил породистых лошадей. Он ловко избегал обложения непомерным налогом, установленным первым министром и интендантом финансов короля Людовика XIV Жаном-Батистом Кольбером, на товары, которые ввозились из-за границы.

Антуан де Морель, статный красавец, был в своё время завидной партией, но он выбрал жену по велению сердца, а не расчёта и был счастлив в браке. Маркиза Аннета Кристель Элизабет де Морель, подарив мужу четверых детей, сохранила стройную фигуру и гордую поступь. Она слывет любящей женой, умелой хозяйкой и заботливой матерью.

Старшая дочь де Морелей, Тесса Марианна Элоди, замужем, имеет двоих детей и живёт в поместье мужа. Она внешностью и характером похожа на мать.

Сын, Рауль Андре Лежер де Морель, получив прекрасное образование и купив должность, служит при дворе. Он, как все мужчины в роду де Морелей, высок и строен, красив и элегантен. Служа при дворе Людовика XIV, Рауль ведёт светский образ жизни, но так же, как и отец, имеет несколько весьма доходных торговых дел.

Второй сын, Мишель Тьери Ренард, семнадцатилетний юноша, похож на отца. Довольно высокий для своих лет, с густыми каштановыми волосами, вьющимися до плеч, голубоглазый красавец и любимец матери. Она с удовольствием представляет себе безоблачное будущее сына, проча ему великолепную карьеру (Мишель только что окончил школу морских офицеров и готовится к службе на судах Его Величества).

И младшая дочь, Николь Сисиль Мари четырнадцати лет, в отличие от старшей сестры, непоседлива и смешлива. Ее стройная фигурка с утра до вечера мелькает в самых неожиданных местах замка. Она неистощима на выдумки и проказы, чем доставляет маркизе де Морель постоянное беспокойство.

Глава 1

— Догоняй! — крикнул я и нырнул в темную глубину океана. Я погружался все глубже и глубже, вода стала мутно-зеленой и холодной. Она давила на уши и сжимала стальными клещами грудь, но я не останавливался. Повернув голову, я увидел, что Тибальд остался далеко позади, и, не выдержав, повернул назад. Я достиг дна и, схватив камень, поднялся на поверхность. Ухватившись за борт лодки, я с победным видом показал трофей Тибальду.

— Ну и что? Я знаю, что вы отличный пловец и умеете надолго задерживать дыхание, — проворчал Тибальд с напускным равнодушием. Он всегда говорил так, когда я делал что-нибудь лучше, чем все остальные. А во мне это проявлялось с самого раннего детства. Я бегал быстрее своих товарищей, плавал и нырял лучше сверстников, по лазанию по скалам и деревьям тоже был первым. Но вот с животными отношения у меня были натянутыми: лошади и собаки не любили меня. Тибальд, мой верный слуга, друг и наставник, не раз говорил, что это плохо, и, когда рядом были посторонние, старался сдерживать меня.

— Пора возвращаться. Скоро начнут съезжаться гости, а вы еще не одеты, — проговорил

Тибо, помогая мне забраться в лодку.

Я вздохнул. Сегодня у нас большой прием: женится мой старший брат Рауль. Интересно, как он чувствует себя после вчерашней попойки?

— Ты видел Рауля? Как он?

Тибальд усмехнулся:

— Его на рассвете нашли на сеновале с двумя служанками. Горячие штучки эти городские, хочу вам сказать. Всего два дня как приехали из Парижа, а из-за них уже перессорилась вся дворня.

Он взял весла и повел лодку вдоль утеса к причалу, вырубленному в скале. Тибальд был коренаст и силен, его грубое, как у всех простолюдинов, лицо сглаживала добродушная улыбка и круглые, нависшие над серыми глазами брови.

Солнце, едва поднявшись над горизонтом, слепило глаза, играя бликами на волнах океана. Справа от нас высился белоснежный утес, на самом краю которого темной громадой нависал родовой замок де Морелей. На всех башнях замка развевались на ветру знамена с гербом моего рода.

— Вчера вы рано ушли. Удивляюсь, почему вы не любите шумные застолья? В вашем возрасте развеселые пирушки — самое первое дело. А вот молодые господа повеселились на славу, — Тибальд засмеялся и покачал головой, — господину Раулю сегодня придется несладко — выдержать

такой прием и бал, тут не всякий вытерпит, а уж после такой ночи...

Тибальд налег на весла. Лодка стремительно понеслась к берегу.

— Он надолго запомнит свой последний холостяцкий пир, — опять засмеялся Тибо. — А чем кончился ваш спор с мессиром де Морелем? Я слышал, вы опять повздорили из-за вашего решения служить на военном корабле.

— Ты же знаешь его, Тибальд. Упрям, как тысяча ослов. Уперся, и ни в какую. Вчера кричал, что лишит меня наследства и все такое, но я не сдамся! Я тоже упрямый!

— Да уж, упорство де Морелей всем известно. Эта черта, я думаю, в вашем роду от Тъёдвальда. Недаром он был свирепым викингом, норманном, легенды о нем слуги до сих пор рассказывают с ужасом и трепетом в голосе. Когда он заложил первый камень вашего замка? В начале десятого века? Вот-вот, прошло больше шестисот лет, а люди до сих пор шепчутся о нем. Говорят, что вы похожи на него, но кто это может подтвердить? В замке нет ни одного его портрета.

Поднявшись по крутым ступеням, выбитым в скале, мы подошли к лошадям. Они стояли привязанные к деревьям на краю кипарисовой рощи, которая широким кругом опоясывала крепостные стены замка.

— Пако! Ты где, бездельник эдакий?! — позвал Тибальд. — Вот погоди, надеру уши!

Кусты, растущие перед рощей, раздвинулись, и из-за них показалась хитрющая физиономия мальчишки. Он приложил палец к губам и поманил нас за собой. Переглянувшись, мы последовали за ним. Вскоре послышались голоса, девичий визг и смех. Мы вышли к небольшой поляне. На ней стояла карета, возле нее резвились девушки, бегая за маленькой лающей болонкой. В стороне, на расстеленном пледе, сидели дамы и двое мужчин.

— Это, наверное, кто-то из гостей. Решили отдохнуть после долгой дороги, — прошептал Тибальд и отвесил Пако звонкую затрещину, — ты чего это подсматривать вздумал? Кому было сказано: от лошадей ни на шаг!

Только я повернулся, собираясь вернуться к лошадям, как из кустов прямо на меня выскочила девушка. Невольно подхватив, я на мгновение прижал ее к себе. Девушка залилась румянцем и, вырвавшись из моих рук, бросилась прочь. Я растерянно смотрел ей в след. Какое-то странное незнакомое чувство шевельнулось в моей душе. Ничего подобного со мной раньше не случилось.

По подъемному мосту, перекинутому через широкий и глубокий ров, мы въехали в распахнутые центральные ворота замка. Их с утра украсили гирляндами из цветов и сосновых веток.

Герб де Морелей, с изображением изготовившегося к прыжку дракона, красовался над воротами.

К полудню в замок начали прибывать приглашенные. По подъездной аллее то и дело гроыхали кареты, из них выходили разодетые гости, съехавшиеся, казалось, со всей Франции.

Тибо, кружа вокруг и проверяя, как на мне сидит новый костюм, глухо ворчал:

— Мой господин, вы опаздываете. Мадам уже несколько раз спрашивала о вас. Все нервничают.

Он оглядел меня ещё раз и удовлетворённо кивнул:

— Ей- ей, до чего ж хорош! Как картина, что написал с вас тот приезжий художник!

— Скажешь тоже! Картина, — фыркнул я, но, посмотрев в зеркало, остался доволен собой.

— Мишель! Мишель, ну где же ты? — в комнату ворвалась Николь, моя младшая и любимая сестра.

— Маман в страшном гневе! Уже приехали кузины де Шантель, — она засмеялась и, прыгая, захлопала в ладоши, — ты не поверишь, кто с ними! Ну?! Угадай! Ага, не знаешь! А я не скажу, сам увидишь!

Я поймал Николь за руку и повернул, разглядывая со всех сторон:

— Ух, ты! Сестренка, ты восхитительна! С тобой не сравнится ни одна красавица Франции! Но

разве подобает юной леди бегать и прыгать, как антилопа? Ненароком собьешь парик, и матушка упадет в обморок!

Мы рассмеялись: наша мать не могла упасть в обморок, она славилась твердым крутым нравом и держала весь дом в ежовых рукавицах.

— Так кого же привезли кузины?

— Пошли, пошли сам увидишь!

Мы спустились вниз. Бальный зал сверкал в праздничном убранстве. Рауль с невестой, отцом и матерью встречали гостей. Лакей, в лиловой пелерине, непрерывно провозглашал титулы и имена вновь прибывших вельмож. Мы с Николь прошмыгнули мимо, затерявшись в толпе гостей, свернули в правое крыло и через увитую декоративными лианами арку вышли в зимний сад. Там, среди кустов роз, на каменной скамье сидел наш дед по материнской линии Флавьен де Ле Руа, старый вояка, участник многочисленных войн, терзавших Францию. Он был высок но, несмотря на годы, держался прямо. Казалось, возраст не властен над ним: его волосы, густыми прядями лежавшие на белоснежном кружевном воротнике, были лишь слегка подёрнуты сединой.

Рядом стоял младший брат отца граф Жевьез де Морель. Много лет назад он оставил родные берега и отправился в Новую Францию с торговым судном. До этого времени о нем ничего не было

слышно, и вот теперь он стоит здесь, живой и здоровый!

— О, Мишель, рад видеть тебя, мой мальчик! Когда мы встречались в последний раз, ты еще под брюхом коня проходил! А теперь уже вон какой взрослый. Сколько тебе? Семнадцать? Слышал, ты мичманскую школу окончил? Хвалю, сам-то я учился в море, но теперь думаю, что учёба в школе — великое дело! Как думаешь поступить в дальнейшем? В море или на берегу осядешь?

— Конечно, в море! — воскликнул я. — Если удастся уговорить отца.

— Узнаю племянника, ему бы всех поближе ко двору — хитрый лис. Но ты не сдавайся! А то окрутит какая-нибудь красотка, и все, — конец вольной жизни! — и он, запрокинув голову, громко рассмеялся. — Или уже? Признавайся! А?! Есть какая на примете?!

Он подошёл и крепко обнял меня. Я помнил своего шумного родственника. Он приносил в наш дом романтику моря. С ним всегда было весело и интересно. Именно он зародил в моей душе тягу к приключениям и отвращение к придворной жизни с её интригами и скукой. Я помнил его рассказы о дальних морских переходах, экзотических портах, о корсарах, что нередко появлялись у берегов Франции. Он в то время служил на военном корабле. Из-за какой-то нелепой истории ему

пришлось уехать, и вот теперь, спустя почти 10 лет, мой дядя вернулся.

* * *

После венчания и свадебного пира начался бал. Пары медленно выводили па торжественной паваны. Звучала праздничная музыка, но я скучал. Меня мало привлекали светские развлечения, вместо них я бы с удовольствием послушал рассказы вернувшегося из-за моря Жевьеза.

Я стоял на верхней ступени парадной лестницы бального зала в окружении молодых дворян.

— И вот, господа, эта красотка роняет платок и жеманно так поглядывает в мою сторону. Я, естественно, поднимаю его и вместе с платком передаю записку со стихами и просьбой о встрече! — рассказывал граф Жульен де Блейзье о своих романтических приключениях в Париже, куда ездил по долгу службы. Все смеялись.

— О, смотрите! Какая прелесть. Кто они?! — вдруг воскликнул барон Жиль де Дюран.

Все повернулись и посмотрели вниз: танцующие пары в центре большого зала; вдоль стен сидели дамы в возрасте, не позволяющем принять участие в столь обременительном развлечении; группки вельмож, проводившие время

за разговорами; молодые дамы с опекавшими их ревнивыми мужьями. Все, как всегда бывает на балу.

— О ком ты говоришь, Жиль? — спросил барона его брат Оноре де Дюран.

— О, мой Бог, да вон же, у третьей колонны!

В самом деле, у колонны стояла небольшая группа людей. Пять юных девушек в окружении престарелых дам и под надзором двух внушительного вида мужчин. Все были одеты роскошно, по последней моде. Прекрасно подобранные драгоценности, платья, выгодно подчёркивая фигуры, указывали на хороший вкус. Но не это привлекало внимание к необычной группе, а красота девушек, необычная для наших дам, естественная, не скрытая слоем пудры, завораживающая. Девушки просто лучились необыкновенным цветом кожи и свежестью. Волосы, не спрятанные под напудренные парики, были уложены в новомодную причёску, а ленты, перевивающие их, украшены нитями жемчуга.

Скорей всего они были родственницами, так как не сильно отличались друг от друга. Три девушки слегка полноваты, но это их не портило, скорее, наоборот, привлекало взгляд. Четвертая девушка, невысокая, но стройная, держалась прямо, с достоинством, граничащим с надменностью. Она была красива и знала это. Но моё внимание

привлекла самая юная и самая необычная из всех. Я сразу же узнал ту незнакомку, с которой столкнулся утром. Небольшого роста, стройная, как стебелёк, закованная в бальное платье, она казалась драгоценной фарфоровой куколкой. Все эмоции настолько ярко отражались на ее хорошеньком личике и в огромных глазах, что в них ясно читалось и нетерпение, и страх остаться незамеченной в огромной толпе, желание сорваться и начать танцевать прямо здесь, на месте. Она ни единого момента не простояла спокойно, а вертелась и пританцовывала, чем вызывала постоянные одергивания со стороны почтенных дам.

— Это две дочери маркиза Эдмонда де Бонне и его племянницы. Они только что прибыли из колоний в Канадской Франции. Старшая дочь — Лаура, помолвлена. Младшей 15 или 16 лет. Три племянницы на выданье, и за ними дают весьма недурное приданое в виде золотых приисков, — проговорил Роланд де Перье.

— Ты знаешь их, Роланд! — воскликнул Оноре де Дюран, — откуда?

— Они мои родственницы, хотя и не кровные, — ответил де Перье.

— Прошу, представь нас, и я твой вечный должник! — попросил Жиль де Дюран.

— Хорошо, но предупреждаю: маркиз —

суровый господин и проказ не прощает!

— Ну что ты, мы просто потанцуем, уверяю!

Когда виконт представил нас и мы обменялись всеми полагающимися в таком случае любезностями, я спросил:

— Вы позволите пригласить вас, маркиза де Бонне? — за моей спиной послышался чей-то вздох. Я кого-то опередил, и мне это понравилось!

— С удовольствием, — ответила Диана, покраснела и опустила глаза. Но я успел увидеть в них задорные искорки радости и благодарности.

Мы передвигались в быстром темпе вольто. Она была так хороша: легкая, как бабочка, порхающая по залу. Невесомо, едва касаясь пола маленькими ножками. Глаза сияли восторгом! Она умела и любила танцевать!

— Я хотел бы похитить у вас все танцы это вечера, как жаль, что этого нельзя сделать, — прошептал я ей на ушко, низко склонившись и едва ли не касаясь губами ее щеки, — от этой близости у меня вдруг перехватило дыхание. Не ожидая от себя такой реакции, я растерялся.

— Да, очень жаль, — тихо проговорила Диана и залилась румянцем.

Бал продолжался всю ночь, но я, небольшой поклонник подобных развлечений, не уходил из танцевального зала со своими друзьями, а следил за юной Дианой, чем немало удивил своих родителей.

— Мишель, мальчик мой, тебе понравилась маркиза де Бонне? — спросила меня матушка в один из перерывов. — Да, она хорошая партия. Тебе следует подумать об этом.

* * *

На следующий день, проснувшись поздно, я приказал готовить ванну. Сам же, стоя у окна, стал вспоминать вчерашний вечер. Я хотел разобраться в своих чувствах, в новых ощущениях, охвативших меня с такой неожиданной силой, что я оказался не готов принять их.

Меня обуревали то отчаяние, то дикий восторг. Кровь бурлила во мне, и сердце ныло так сладко и странно. Я видел перед собой лицо Дианы, ее прекрасные волосы, открытые плечи и шею. Я не хотел бы и на миг отпустить ее от себя. Впервые мне хотелось, чтобы эта девушка, а не мой друг Тибо, оказалась сейчас рядом со мной. Мне хотелось постоянно видеть её, прикасаться к ней, вдыхать аромат духов. Голова шла кругом от этих новых для меня ощущений.

Я в волнении прошёлся по комнате. Диана Флер де Бонне... даже ее имя казалось необыкновенно прекрасным. И мне было лестно, что на балу она отдавала мне явное предпочтение. Даже танцуя с другими кавалерами, она постоянно

встречалась со мной взглядом, а встретившись, смущенно улыбалась.

Затем ликование сменилось сомнением: может ли быть, чтобы один-единственный вечер смог зажечь во мне настоящую любовь? Я не знал. И все же меня не могло оставить равнодушным то, как на неё смотрели мужчины. Меня охватывал гнев от этих пристальных, а иногда и не очень приличных взглядов. Мне даже пришлось почти силой увести ее от подвыпившего и слишком настойчивого шевалье. Тот пригрозил мне дуэлью.

Мы встретились с ним на крытой террасе. Она нависала над самым краем утёса, и, когда стоишь у каменных перил, кажется, что ты находишься на носу гигантского корабля или паришь над пропастью. Далеко внизу плескались воды океана. Ночной бриз качал ветви плюща, увивающего колонны террасы.

Встав в стойку и отсалютовав шпагами, мы начали поединок. Мой противник был старше года на три. Немного ниже меня, плотного телосложения. Со злой усмешкой на лице он бросился в атаку. Наши секунданты не отставали от нас: мы сражались тремя парами. Несколькими выпадами я сумел прижать противника к перилам террасы. Шляпа с его головы, сорвавшись вниз, закружилась в воздухе. Поняв, что перед ним достойный противник, шевалье перестал

ухмыляться и, прищутив глаза, бросился в атаку с невероятной яростью. Эта ярость и подвела его: в бою нужно быть хладнокровным. Сделав шаг назад и уклонившись от его прямого укола, я одним движением клинка, выбил его шпагу.

— Вы признаете своё поражение, шевалье? — спросил я его.

— Скорее сгорю в огне ада! — вскричал он.

— Ваше право! — ответил я и носком сапога подтолкнул к нему оружие.

Наш поединок возобновился с ещё большим ожесточением. Мои секунданты к тому времени уже покончили со своими противниками. К моей радости, только Жиль де Дюран получил незначительную рану. Остановившись у стены, они с интересом наблюдали за нами. Снова приняв боевую стойку, я ждал нападения шевалье. И когда он опять пошёл в атаку, молниеносным броском, которому научил меня Рауль, нанёс ему смертельную рану.

Затем мы поодиночке вернулись в бальный зал, надеясь, что наше отсутствие не было замечено: дуэли строго запрещены и у нас могли быть неприятности.

Я встряхнул головой, отгоняя воспоминания. Во мне вспыхнул гнев на самого себя.

Диана, Диана, Диана — эта девушка не выходила из моей головы. Да что со мной такое?

Может, она совсем обо мне не думает! Может, это и есть ее мечта: выйти замуж за столичного щеголя! А я размечтался, схожу тут с ума и мечусь из угла в угол! У меня и без этой девушки достаточно проблем!

Мне стало душно в комнате. Скорее на воздух. Конная прогулка — вот что мне сейчас нужно! Все ещё злясь на себя, я сбежал по ступеням парадной лестницы и почти бегом отправился к конюшням.

— Месье, виконт де Морель, подождите, прошу вас! — услышал я за спиной. — Да погодите же, мне не догнать вас!

Я обернулся. По лестнице, едва касаясь ступеней изящными туфельками, быстро спускалась Диана. В лёгком платье, с волосами цвета спелой пшеницы, отливающими золотом и ниспадающими густыми прядями ниже спины, она была похожа на ангела. Глаза, казавшиеся вчера при свете свечей синими, сегодня, на солнце, оказались необыкновенного фиалкового цвета!

— Я искала вас, вы мне нужны! — Диана подошла ко мне. Я смотрел на ее зардевшееся от быстрого шага и смущения лицо, на её маленький рот с чётко очерченными алыми губками. И мне вдруг мучительно захотелось взять её лицо в ладони и поцеловать. Весь мир растворился. Я смотрел на нее и не понимал, что она говорит. Я ее

просто не слышал!

— Месье, вы слышите? — Диана дернула меня за рукав. — Вы должны мне помочь! К сожалению, я здесь никого не знаю, так что мне не к кому обратиться кроме вас! Я полагаюсь, виконт де Морель, на вашу порядочность и надеюсь, что моя просьба останется между нами, — она вопросительно взглянула на меня.

— Да, конечно, почту за честь и сделаю все, что в моих силах, — я медленно приходил в себя, — но как же ваш отец, разве не разумнее обратиться за помощью к нему?

Она нетерпеливо дернула плечами:

— Он хочет запереть меня в монастырь!

— Что?! — я изумленно смотрел на нее.

— Ну, не на всю жизнь, конечно. Он хочет, чтобы я прошла обучение. Вы должны спрятать меня, а затем помочь сесте на корабль, уходящий в Новый Свет, в Квебек! Я просто не вынесу этого: несколько лет взаперти, среди хмурых монахинь и глупых жеманных девиц.

Я с удивлением смотрел на нее. Это поразительно, такая храбрость, непосредственность. Ни одна из известных мне девушек даже и помыслить не могла бы о таком поступке!

— Да, но обучение проходят все юные леди, — проговорил я медленно, словно ребенку. —

Это необходимо для того, чтобы войти в высшее общество. Моя старшая сестра окончила такую школу. Младшая, Николь, сейчас учится при монастыре святой Агнессы ордена святых Проповедников. — Мне вдруг стало неловко от того, что приходится объяснять ей такие очевидные истины.

Она опять нетерпеливо передернула плечами:

— Знаю, но кто сказал, что мне хочется входить в это общество? Больше всего я хочу вернуться домой. Ах, месье де Морель, если бы вы знали, как хорошо у нас в Квебеке. Там все намного проще и люди добрее. А здесь даже и не знаешь, как себя держать: все такие чопорные и надменные.

Господи, да она же еще совсем дитя! Здесь, во Франции, девушки в 16 лет уже выходят замуж, а она, по всему, еще даже не думала об этом.

— Зачем же вы приехали, леди Диана? — спросил я.

— Отец хотел показать нам с сестрой родину предков, ну и по своим делам, конечно. Сестра уже помолвлена, и ей не придется идти в монастырь, — она обиженно надула губки. — И потом... он не посвятил меня в свои планы!

— И когда же маркиз де Бонне планирует отправить вас в монастырь, и в какой?

— Он только что сообщил мне о том, что получил письмо из монастыря святой Елены и что я

отправляюсь туда сразу после окончания вашего праздника! Его здесь задерживают какие-то дела, но затем он намерен отправить меня незамедлительно.

— Маркиза, я очень польщен тем, что вы выбрали меня своим защитником. Но я не уверен, что смогу взять на себя смелость и перечить воле вашего отца. Мне до сих пор не приходилось встречать девушку, протестующую против монастырской школы. Вы ставите под угрозу свое будущее, — говоря это, я вдруг почувствовал себя таким напыщенным болваном, что захотелось провалиться на месте, — прошу меня простить. Я искренне желал бы помочь вам, но боюсь, что в данных обстоятельствах это не в моих силах. — Осознание того, что Диана хочет уехать и что я ей, судя по-всему, абсолютно безразличен, неприятно кольнуло сердце.

— Хорошо, в таком случае мне придется обратиться к кому-нибудь еще, — прошептала Диана и, развернувшись, пошла к дому.

Я стоял и растерянно смотрел ей в след. Что за необыкновенная девушка! А потом вдруг испугался: что если она попросит помощи у кого-то из этих молодых вельмож, прибывших из Парижа со свадебным кортежем невесты. Они-то уж точно не упустят шанса посмеяться над провинциальной простушкой, и, как далеко это может зайти —

одному Богу известно!

— Диана, леди Диана, что за ребячество, в самом деле! — воскликнула в дверях дома одна из тетюшек девушки. — Ради Бога, вернитесь, ваш отец в гневе! Вы не можете вести себя как ребенок! — спустившись по ступеням, она крепко схватила Диану за руку и повела в дом.

Не замеченный разгневанной почтенной дамой, я стоял, не зная, что предпринять. Все еще злой на себя, на нее и на весь белый свет. Встревоженный ее упрямством, я не мог оставить без внимания то, с какой решимостью настроена Диана. Эта девушка каким-то непостижимым образом входила в мою жизнь, и я не знал, чем это кончится. Постояв еще немного в размышлениях, я медленно пошел к конюшням. Тибо, уже в седле, ждал меня у ворот.

— Господин, что-то случилось? У вас такой вид, будто вы кислого вина хлебнули, — он внимательно смотрел на меня.

— Тибальд, мне нужен совет.

— В чем дело, сеньор Мишель? Давненько не видел вас в таком подавленном настроении.

— Ко мне сейчас обратилась маркиза Диана де Бонне с просьбой о помощи, но, черт возьми, если бы я знал, как ей помочь! — и я рассказал Тибо о нашем с Дианой разговоре.

— Ваша милость, о девушке есть кому

позаботиться. И все, что вы сказали ей, совершенно правильно. Я думаю, она и сама, поразмыслив, поймет, насколько вы правы. К тому же, мой сеньор, подумайте, как будет выглядеть ваша помощь в глазах ее отца! Девушка вздорным характером осложняет жизнь своим близким, не думая о последствиях, и тянет вас за собой!

— Тибальд, а если не получив помощь от меня, она вздумает просить ее у кого-то другого? Ты понимаешь, какие могут быть последствия? Как я могу оставить это, не попытавшись защитить ее?

— Хорошо, можете не волноваться, все время, пока леди де Бонне пробудет в вашем доме, за нею присмотрят! И если ей придет в голову прогуляться с кем-то из этих расфуфыренных парижских франтов, мы сможем вовремя вмешаться. Думаю, что в этом случае ваша помощь будет действительно необходима.

Мы не спеша ехали по лугу. Скошенная трава, убранный в небольшие стожки, пахла свежим сеном. Августовское солнце проглядывало сквозь облака. Тихий ветерок подхватывал пыль из-под копыт наших лошадей и тут же уносил прочь. За лугом чернел лес, щебет птиц веселым хором доносился оттуда, наполняя землю покоем и безмятежностью.

* * *

Настал второй вечер свадебного торжества. Солнце еще не село. Зацепившись за верхушки сосен, оно огромным золотым шаром висело над дальним лесом и полем, посылая свой последний привет отходящей ко сну земле. Легкий ветерок едва касался нежным дуновением листьев на кустах и деревьях, и они трепетали ему в ответ.

В замке шли последние приготовления к вечерним развлечениям. Весь парк, словно в сказочном царстве, сверкал тысячами огней. Деревья и кусты были украшены стилизованными цветами и разноцветными лентами. В каменных чашах горели ароматизированные масла. Сотни красочных бумажных фонариков, с зажженными в них свечами, висели на деревьях и гирляндах вдоль площади, перед фонтаном и театральными подмостками, на которых в скором времени будет разыграно представление актерами известного театра Марэ. Сам Флоридор, знаменитый актер, согласился участвовать в спектакле «Гораций». Поэтому костюмы последующего за спектаклем бал-маскарада будут на тему древнегреческих мистерий. И в завершение нас ждет грандиозный фейерверк.

Переодевшись к вечернему пиру, я спустился в зал. С балкона, где играли музыканты, лилась тихая мелодия. Гости неторопливо прохаживались по огромному центральному залу, зимнему саду и

крытым галереям, откуда открывался великолепный вид на океан. Переходя от одной группы к другой, я искал Диану. Не найдя ее в зале, я остановился поодаль от лестницы, ведущей из внутренних покоев вниз, предполагая, что она еще не спустилась к столу. Мне хотелось убедиться в том, что с ней все в порядке. Облокотившись на стену возле комнатных пальм и кустов экзотических растений, образующих своеобразные беседки со скамейками, я почти полностью был скрыт от посторонних глаз. Две молодые девушки, вышедшие из дверей зимнего сада, остановились неподалеку. Не замеченный ими и не имеющий подходящего предлога показаться на глаза, я невольно стал свидетелем их разговора:

— Мари, Бог мой, она сведет с ума своим поведением и дядюшку, и всех нас! Так опуститься, попросить помощи у виконта де Мореля! Не мудрено, что ей запретили сегодня спуститься в парк. Подумать только, — собралась вернуться домой! Одна, на корабле! Да она совсем безрассудная! Хорошо еще, что тетушка вовремя успела увести ее в дом, и виконт ничего узнал! — воскликнула одна из них.

— Ты думаешь, что она могла бы ему рассказать? — спросила другая.

— Несомненно! Она бы и не то придумала, лишь бы добиться своего. Но дело сделано, и ей

некуда деваться. А ты точно знаешь, что дядя вел разговор о помолвке?

— Конечно, он же утром сказал, что с делами покончено и после праздника мы поедем в поместье Пти Дюбуа. Так о чем еще мог идти разговор? Да еще так долго? И потом, мадам Хелена ясно высказалась, заявив, что пора уж и остепениться! Ах, как Диана побледнела! Можно подумать, что ее так ничему и не научили в монастыре за эти четыре года!

— И чего она упирается? Все равно дядюшка намерен выдать ее замуж. Конечно, он любит и балует их с Лаурой. Помнишь, как он отказал месье де Лакруа только потому, что тот ей не понравился, хотя это одна из лучших партий в Новой Франции? Уж я бы ни за что не противилась такой возможности — красив, богат — просто мечта!

— Конечно, помню, но дядюшка добр и не хочет, чтобы его дочери были несчастны. Он и Шарлю не мешал, когда тот заявил, что хочет жениться на Катрин. Хотя у нее и не такое уж хорошее приданое.

— Я все время вертелась возле дядюшки, надеялась, что он скажет что-нибудь. Кто же он, этот загадочный жених? — возбужденно прошептала девушка.

— Мари, Сюзон, вот вы где! Пойдемте, пора садиться за стол, — к девушкам подошла дама, с

рассерженным видом обмахиваясь веером.

— Маман, ну скажите же нам, Бога ради, Диану сватали? — вскричала одна из девиц. — К чему такие секреты?!

— Пошли, пошли, дядя уже ждет, — позвала их мать и увела за собой.

Я остался стоять на месте, потрясенный этим открытием! Конечно же! Как еще она могла попросить помощи? Сказать, что не хочет замуж, — слишком откровенно для молодой девушки! Вот она и придумала причину, а я вместо того, чтобы выслушать, начал читать проповедь! Леди Мари сказала, что отец любит Диану и не захочет причинить ей зла, но желания отца и ее могут сильно разниться. И что же я могу сделать в этом случае? Как ей помочь?

Возвращаясь с прогулки, Тибо, все время внимательно наблюдавший за мной, вдруг спросил:

— Вы влюблены, сударь?

Я пожал плечами, не зная, что ответить. Я сам все утро думал над этим. Могут ли чувства, которые заполонили меня, называться любовью или это было просто данью ее красоте? Но я хотел видеть ее, хотел заботиться, оберегать. Когда я думаю о ней, на душе становится тепло и тревожно!

Прежде, представляя себе первую встречу с любимой, я видел себя героем, спасающим ее от какого-нибудь злодея или останавливающим ее

коня на всем скаку; или освобождающим свою возлюбленную из плена разбойников. А здесь все было обыденным и скучным: свадьба, бал. Но, несомненно, она волнует меня! Я вспомнил ее волосы и нежную ручку, которую держал во время танца, ее веселый смех. Шутки и остроты, которыми она так и сыпала, говорили об ее уме. Она совсем не похожа на молоденьких жеманниц из роскошных салонов. От нее веяло свежестью. И, черт возьми, она до безумия хороша!

Теперь, когда я знал причину ее столь необычного поведения, оно не казалось мне таким нелепым, наоборот, все больше и больше мне хотелось защитить ее от неведомого и ненавистного жениха! Непонятная тревога, которая томила меня утром, теперь облеклась во вполне реальное беспокойство от угрозы потерять девушку.

Я стоял никем не замеченный и потерянный в своих мыслях и ощущениях. Мне было просто необходимо разобраться в волнующих меня чувствах. Я вдруг представил, что кто-то другой будет рядом с ней, и мое сердце сжалось, протестуя. И тогда понял, что не готов отказаться от нее! Оставить ее другому, обмануть ее надежду на меня, на мою помощь! Сегодня она пришла ко мне, а не к кому-то еще, а я совершил ошибку. Значит, мне ее и исправлять! И даже если я для нее ничего не значу, я все равно постараюсь помочь ей и загладить свою

вину. Приняв решение, я, как всегда бывает со мной, успокоился и прошел к столу. С того места, где я сидел, невозможно было увидеть Диану и ее родных: столы, стоящие рядами, вмещали более тысячи приглашенных. Но я знал, что она здесь, что ей нужна помощь, и пусть ее неведомый жених не корсар, рыскающий по морям в поисках добычи, и не злодей с большой дороги — если он ненавистен ей — я помогу!

* * *

Бал-маскарад. Прекрасная возможность прикоснуться к милой даме, передать записку, шепнуть на ушко прелестной незнакомке комплимент. Я стоял в стороне от веселого круговорота, наблюдая за спектаклем, разыгрывающимся передо мной. Вот уже несколько часов я старался найти Диану среди огромного количества дам в маскарадных костюмах. Каждый раз, когда я, уверенный в том, что вот эта маска скрывает от меня именно ту, которую необходимо найти, я ошибался. Кружа по парку и не находя ее, я все больше мрачнел. Где она может быть? Тибо посылал горничную с поручением узнать, где Диана. В комнатах ее не оказалось!

— Молодой господин желает узнать свою судьбу? — прозвучало рядом.

Я оглянулся. Передо мной стояла греческая цыганка — маска на глазах и густая темная вуаль скрывали ее лицо. Корсаж, стягивающий талию и делающий девушку настолько тоненькой, что казалось ее можно перехватить двумя пальцами; широкая цветная юбка и браслеты на руках — все делало маленькую фигурку изящной и восхитительно соблазнительной.

— Диана, — выдохнул я, но тут же поправился, — простите, маркиза де Бонне, — взяв ее руку, я почтительно склонился и поцеловал ее.

— Ну, так что? Предсказать вам будущее? — настаивала Диана, не обратив внимания на мою оговорку.

— Будьте так любезны, — я протянул ей руку.

Проведя пальчиком по моей ладони, она проворковала:

— Вас ожидает дальний путь, много приключений и невероятно долгая жизнь. А еще свидание... сегодня, в полночь, у старой беседки, — она засмеялась и, ловко повернувшись, исчезла в толпе.

Потрясенный уже в который раз смелостью и непредсказуемым поведением маленькой чертовки, я рассмеялся. На душе сразу стало легко.

* * *

В самой глубине парка, там, где крепостная стена сливается с башней, нависающей над пропастью в океан, стоит старая беседка. Парк в этом месте переходит в маленький своеобразный лес, неухоженный, заросший кустами и огромными старыми кленами. Это любимое место игр детей и уединения старших членов нашей семьи.

Переодевшись в темный костюм и накинув черный плащ, без четверти двенадцать я примчался к беседке. От волнения, переполнявшего меня, я не мог стоять на месте. Мое первое свидание! Да еще назначенное не мной, а прелестной девушкой, самой необыкновенной из всех, кого я встречал до сих пор. Меня лихорадило от возбуждения, и голова шла кругом.

Я буду очень любезен и осторожен с ней. Она, конечно же, попросит моей помощи, и я с радостью соглашусь. Я скажу ей, что у меня уже есть план: я увезу ее сегодня же в свое поместье, доставшееся мне по наследству. Затем попрошу ее руки у маркиза де Бонне, и, если он не убьет меня в первую же минуту, я сумею доказать ему свою любовь и преданность Диане. Чтобы избежать позора, ему придется отдать за меня дочь. Другого выхода я не видел.

Тибо был не согласен с моим планом, он настаивал на том, чтобы я, прежде чем везти девушку к себе, поговорил с отцом.

— Спрятать Диану можно и в замке, монсеньор, — уверял он меня, — а поговорить с отцом нужно. Вам необходима поддержка семьи, возможно, что все можно уладить и мирным путем. Не горячитесь, отец не желает вам зла и любит вас. Не открывая всех планов, скажите о своем намерении просить руки леди Дианы, а если это будет невозможно, тогда приведем в действие ваш план.

Перебирая в уме все варианты своих замыслов, я метался возле беседки. Музыка, доносившаяся из центра парка, была едва слышна. Свет от факелов не проникал в этот уголок, только неполная луна освещала аллею, ведущую к беседке. Глубокой тенью, почти черной, вековые клены скрывали беседку и площадку перед ней.

Наконец послышался стук каблучков по камням аллеи. Остановившись на границе неверного света луны и глубокой тени, я, с бешено колотившимся сердцем, смотрел на приближающуюся Диану. Она, закутанная в темный плащ, с капюшоном, накинутым на голову, остановилась, пристально вглядываясь в темноту, окружавшую беседку.

И тогда произошло что-то невероятное: не в силах справиться с чувствами, завладевшими мною, я подлетел к ней и, прижав к себе, откинул ее капюшон.

— Диана, — прошептал я глухим шепотом, — любовь моя. Наклонившись, стал покрывать ее лицо поцелуями, а коснувшись губ, совершенно потерял голову. Я целовал ее, и любовь с каждым ударом моего бьющегося с невероятной силой сердца нахлынула, унося все сомнения и преграды. Больше ничто не существовало в этом мире, ничто не важно, ничто не имеет значения! Только она, ее дивный аромат, ее сладкие трепетные губы.

Диана, ошеломленная моим натиском, растерянная и оглушенная, сомлела в моих объятиях. Подхватив на руки, я отнес ее в беседку и, прижав к груди, прошептал:

— Не бойся, радость моя, любовь моя, жизнь моя. Никто и никогда не отнимет тебя у меня! Поверь мне, не существует на земле силы, способной разлучить нас! — и опять прильнул к ее губам. Поцелуй, на этот раз нежный и долгий, пробудил в Диане ответный порыв. Подняв руки, она стала ласкать мои волосы, ее губы разомкнулись, став мягкими и податливыми. Наш поцелуй был похож на шаг в бездну; взлет к солнцу; все загадки мироздания слились в одном дыхании. Мир перестал существовать. Мы парили над землей, делясь сокровенной тайной, без слов и мыслей, сливаясь в одно целое...

Диана, положив голову мне на плечо, спросила:

— Что же нам делать? Отец сегодня утром позвал меня к себе и сообщил, что решил устроить мою судьбу. Я сразу и не поняла, что это значит, а он сказал, что после вчерашнего бала моей руки попросили два сеньора. Он еще не дал ни одному из них определенного ответа, так как у него есть твердая уверенность в том, что моей руки попросит кто-то другой, более подходящий для меня. Я заявила ему, что ни за что не выйду замуж, но он только посмеялся надо мной. Я боюсь, Мишель, у отца твердое намерение выдать меня замуж.

Такой поворот дела ободрил меня: еще не все потеряно, нужно поговорить с отцом. Тибо был прав.

— Наш род один из древнейших. Многие почли бы за честь породниться с нами. Мы богаты, у нас много земель. Отец в хороших отношениях со многими влиятельными вельможами. Совсем скоро я пойду служить на военный корабль Его Величества. У нас, любовь моя, есть шанс. Очень хорошо, что маркиз де Бонне повременил с ответом. Я сегодня же поговорю с отцом о нашей помолвке. А если это не поможет, я увезу тебя. У меня уже все готово для этого. Никто и никогда не прикаснется к тебе, пока я жив, — проговорил я, нежно проводя губами по ее шейке, не в силах оторваться от нее.

— Уже готово? Но как?! Сегодня утром я вела

себя просто ужасно! Когда тетка привела меня комнату и отчитала, я поняла, что натворила. Мне очень стыдно за свое поведение. Теперь у тебя, наверное, сложилось неверное мнение обо мне, — она смущенно опустила голову, — от неожиданности и страха я растерялась. Ты, наверное, решил, что я сошла с ума?

Перебирая ее волосы, я тихонько рассмеялся:

— Признаюсь, ты озадачила меня своим натиском. И совершенно ничего не понимая, я все равно стал думать о том, как помочь тебе. А потом мне помогли во всем разобраться твои кузины.

— Кузины? Каким образом?

— Я искал тебя в зале перед обедом. Хотел убедиться, что с тобой все в порядке. По воле случая я узнал о том, что тебя, возможно, ждет обручение. И тогда я принял меры, чтобы помешать этому. Твои кузины просто сгорают от любопытства, — опять рассмеялся я. — Но меня волнует другое, — мой голос осекся от волнения, — я не знаю, что ты чувствуешь ко мне? Возможно, я слишком самонадеян и тороплю события? Может, ты вовсе и не намерена стать моей супругой? — мой голос перешел в тихий шепот и затих. Я замер в ожидании ответа, в висках стучало, дыхание сбилось.

Смущенно опустив голову, Диана молча теребила золотистый локон. От того, что она

молчит, по моим венам стал разливаться холод. Руки, обнимавшие ее, окаменели.

— Когда мы приехали в ваш замок, мы не были представлены друг другу, и я не знала, кто ты, — тихо заговорила она, — но увидев тебя в роще, а затем среди гостей... — Диана смущенно потупилась и замолчала.

— Что? — не выдержал я.

— Ты мне очень понравился, а потом, наблюдая за тобой, я все время молила свою святую, чтобы ты подошел! Ты не представляешь, как я была счастлива, когда ты первым ангажировал меня!

Радость теплыми волнами растекалась в моей душе. Не в силах произнести ни слова, я стал вновь целовать Диану.

Когда пришло время расставаться, я провел Диану через библиотеку потайным проходом, ведущим прямо в коридор, куда выходили двери ее комнаты.

Обняв Диану, я не решался отпустить ее, словно это был последний миг в моей жизни, когда я могу прижать ее к себе. Вдруг, подчиняясь внезапному порыву, я опустился на одно колено и, взяв ее за руку, произнес:

— Диана Флер Мари де Бонне, я, виконт Мишель Тьерри Ренард де Морель, клянусь вам в вечной любви. Пока я жив, клянусь, ни одна

женщина, существующая на этой земле, не сможет привлечь моего внимания. Моя жизнь, до последней минуты, отныне принадлежит вам! Я люблю тебя, Диана.

Диана, глядя на меня, произнесла негромко:

— И я клянусь вам в своей любви, Мишель. Пока бьется сердце, пока глаза видят свет, созданный Богом, мои мысли о вас, мой любимый. Отныне и всегда я буду благодарить Господа за счастье знать, что вы есть, за счастье любить вас.

Поднявшись с колена я, молча прижал ее к груди. Слова больше не нужны. Мы были бесконечно счастливы.

Простившись с Дианой, я пошел искать отца и, покружив среди гостей, увидел его сидящим за столом в окружении десятка гостей, с кубком вина в руке. Подойдя, я извинился и попросил отца уделить мне несколько минут.

— Пойдем, пойдем, мой мальчик, у меня есть для тебя новости. Где тебя черти носят? Слуги сбились с ног, разыскивая тебя! — отец поднялся из-за стола. — Прошу простить, господа, мне необходимо сказать этому молодому человеку пару слов.

Хлопнув по плечу, он повел меня в библиотеку.

— Отец, — обратился я к нему, как только мы вошли и закрыли за собой дверь, — я хочу просить

вас...

— Погоди, сядь, Мишель, и послушай сначала, что я тебе скажу, — перебил он меня.

Не желая раздражать отца, я сел, молча проклиная все новости и всех тех, кто их принес. Напустив смиренный вид, я приготовился к длинной речи, так как у отца была скверная привычка доводить собеседника до белого каления, прежде чем он перейдет к главной теме разговора.

— Так вот, вчера к нам на торжество, как тебе известно, прибыло много господ, состоящих на службе короля. И один из них, месье д'Атруа, привез приказ о твоём назначении на военный корабль. Естественно, я не могу пойти против воли короля, — проворчал отец, удививший меня тем, что перешел сразу к делу, — но в остальном перечить не смей, не потерплю!

О Боже, что еще? Новость о назначении, как ни странно, совсем не тронула меня. Я просто отметил, что все же выиграл в споре с отцом.

Не обращая на меня внимания, отец, вышагивая по ковру, продолжал:

— Я решил, пользуясь тем, что у нас большое скопление знатных семей, устроить твою семейную жизнь. Зная о прибытии к нам некоторых достаточно именитых и достойных нашего рода вельмож, я дал поручение своему поверенному собрать сведения об их семьях. У меня сложилось

мнение, что нашего внимания достойны несколько девушек. Возможно, я не стал бы торопиться, но твое назначение, — он недовольно хмыкнул, сооротив гримасу, — заставляет меня спешить. Я не хотел давить на тебя, но тебе придется выбрать жену из этих Фамилий. — Он подал мне небольшой лист, — просмотри его и, пока у тебя есть возможность, приглядишься к этим девушкам, может, кто-то из них тебе и придется по душе. — И, отец, отчего-то посмеиваясь, вышел из библиотеки.

Теперь я понимал, почему он не стал тянуть и сразу перешел к делу. Отец всегда неприятные новости старался выложить без промедления, чтобы поскорее избавиться от них. Я сидел, отрешенно глядя на сложенный пополам лист, лежащий на моих коленях. Все рушилось. Даже если я выкраду Диану, мне нечего будет предложить ей. За слушание меня лишат наследства, я останусь без гроша. Меня это не пугало, я мог бы, если надо, обойтись и без больших денег, но вместе с деньгами меня лишат и титула, и права служить на корабле. И что в этом случае я, кроме своего сердца, положу к ногам любимой? Позор и нищету?!

Я долго сидел, глядя на огонь в камине. Едва узнав радость любви, ощутив блаженство от ответных чувств Дианы, я терял ее. Ей не быть моей женой, а мне никогда не познать счастья близости с

нею. Мои мечты, как распутившийся цветок на ледяном ветру, вяли от прикосновения холодной действительности.

Я развернул листок, сам не понимая зачем, все равно ни одна из этих девушек не станет моей женой. Утром, не сейчас, я пойду к отцу и буду просить его о снисхождении. А если это не поможет, прощусь с Дианой, освобожу ее от данной мне клятвы и навсегда уйду в море.

Диана Флер Мари де Бонне.

На листке было только одно имя! Ее имя!

Глава 2

На рассвете, когда заря едва заметно осветила небо на востоке, я вышел в парк. Так и не отошедший от счастливого потрясения, я не мог спать. Пройдя в глубь парка, туда, где клены, растущие вдоль аллеи, образовывали над головой шатер, я опустился на скамью и лег на нее. Счастливые мечты заполняли сердце. Ночью, прочитав записку, я бросился к отцу и просил его о немедленном разговоре с маркизом де Бонне.

— Все улажено, Мишель. Завтра, после охоты, будет объявлено о вашей помолвке! Днем я уже имел беседу с маркизом. Не хотелось спешить, но, похоже, на ее руку много желающих. Ты, я вижу, тоже не против! — и отец рассмеялся,

погрозив пальцем. — Скажи спасибо Живьезу, это он привел их к нам. У меня с маркизом де Бонне намечается неплохое дельце! Кстати, это твой дядя навел меня на мысль о вашей помолвке.

Я был безмерно благодарен Живьезу, вернувшемуся из-за моря. Он подарил мне счастье и я до конца своих дней буду обязан ему за это.

Вспоминая события минувшего дня, я почти задремал. Вдруг непонятная тревога и неосознанный, на уровне инстинкта, страх сковал мое сердце. Я открыл глаза. Надо мной, низко склонившись, стояла девушка. Ее глаза поблескивали черным агатом, она внимательно вглядывалась в мое лицо. И в тот же миг я провалился в темную бездну.

* * *

Сознание секундными вспышками пробивалось сквозь беспроглядную тьму, ничего не проясняя, только ледяной болью пронзая все тело. Я не знал, сколько времени продолжалось это безумие. Со временем возвращение рассудка становилось все продолжительней, а провалы в тягучую бездонную тьму все короче. Только это не приносило радости: с возвращением сознания возвращалась и боль. Казалось, меня закопали в снег и оставили лежать, забыв обо мне. Боль

мириадами ледяных игл терзала тело. Вены, наполненные замерзающей кровью, разрывались. Все внутренности, словно замерзшие ледяные глыбы тяжелым грузом давили на тело. Не в силах пошевелиться, я не мог сбросить с себя ледяное оцепенение. Но самым мучительным было то, что я не мог вспомнить: где я и кто я! Я понимал, что со мной происходят странные вещи, что это неправильно и так не должно быть, но как правильно и как должно быть, вспомнить не мог. Стараясь отвлечься от боли, терзающей тело, я копался в сознании, силясь сквозь ледяную завесу вспомнить прошлое. Хоть что-нибудь, за что можно было бы зацепиться и найти ту нить, которая свяжет меня с реальностью.

Моя битва с невыносимой болью, казалось, длилась вечность. Но постепенно мои мучения стали ослабевать, и тело, превратившись в ледяную глыбу, перестало ощущать холод. И тут я внезапно понял, что с моим сознанием произошли невероятные изменения. Боль, терзавшая голову, медленно ушла, и я с изумлением осознал, что могу думать о нескольких вещах одновременно. В голове звучал целый хор голосов, обсуждающих все мои мысли.

Осторожно открыв глаза, я убедился, что и зрение изменилось самым удивительным образом. В помещении, где я находился, был полумрак, но я

мог различить все детали, даже те, которые прежним зрением увидеть бы не смог. Откуда-то сбоку тоненькой полоской пробивался солнечный лучик, пылинки кружились в хаотичном танце, поднимаясь и опускаясь в его свете. Я увидел низкий каменный свод над головой, весь затянутый паутиной, с пауками, сидящими в укромных уголках.

Одновременно с этим я понял, что мне доступны и тончайшие нюансы звуков. Я услышал возню какого-то мелкого зверька под землей, тяжелую поступь лошадиных копыт и скрип телеги, которую она тащила. Тихий голос возницы, напевающий мотив крестьянской песенки. В то же время я слышал пение птиц и стрекот кузнечиков, шелест листвы на деревьях и тихий посвист ветерка. Эти звуки казались мне удивительными, так как были полны новыми для меня тонами.

Опасливо, боясь усилить отступающую боль, я втянул в себя воздух: запахи немислимыми оттенками, недоступными раньше удивили многообразием. Пахло сырой землей и прелым деревом, откуда-то сбоку веяло теплым воздухом, нагретым камнем и еще чем-то, очень неприятным и совершенно незнакомым. Я осторожно повернул голову набок, то, что я увидел, привело в ужас: я лежал в склепе! Вдоль стен тянулись ряды стеллажей, на которых лежали полуистлевшие

останки погребенных здесь людей. Мне захотелось вскочить на ноги и броситься прочь, но тело, все еще скованное льдом, только медленными движениями отозвалось на мои потуги. Мне не хватило сил даже сесть. В отчаянии я закрыл глаза и опять попытался вспомнить, кто я и что происходит со мной.

Наконец день, тянувшийся бесконечно долго, закончился. Вечер, неспешно вступавший в свои права, принес новые звуки и запахи. Затихло пение птиц, сидевших на деревьях, которые росли возле склепа, шелест крыльев пролетающих мимо стрекоз и тихое шуршание насекомых. Теперь слышался шорох мелких зверьков, копошащихся в траве. Застрекотали цикады. Где-то далеко ухнул филин. Ветерок, проникавший сквозь щели двери, закрывавшей мою страшную обитель, принес запах травы.

Удивительным открытием для меня стало и то, что с наступлением сумерек, погрузивших склеп в глубокую темноту, мое зрение нисколько не потеряло своей остроты. Все предметы были видны так же четко, как и при дневном свете, только их цвет стал немного тусклым.

Уже несколько освоившийся в своем новом положении, но все еще не имевший возможности двигаться, я прислушивался к тому, что происходит вокруг. Мучительные попытки вспомнить себя ни к

чему не привели, и я смирился, ожидая дальнейших событий.

Когда за стенами склепа совсем стемнело, я услышал похожий на осторожные шаги шорох. Он был настолько тих, что никакой человеческий слух не уловил бы его. Я напряженно смотрел на дверь, закрывающую вход в склеп. Послышался стук отодвигающегося засова, громкий скрип, и в склеп вошла девушка. Несмотря на кромешную темноту, я смог хорошо рассмотреть ее. Высокая, с копной каштановых волос, стянутых тесьмой в высокую прическу, одетая в дорогой дорожный костюм, девушка была очень красивой. С необыкновенной грацией она подошла и наклонилась надо мной, пристально глядя мне в глаза.

— Вижу, ты пришел в себя. Очень хорошо, — по-английски сказала она, — мне нужно уходить, но я хочу помочь тебе. В какой-то степени я несу ответственность за то, что случилось. Я должна объяснить, что происходит. Видишь ли, то, что произошло, — моя ошибка, я не должна была трогать тебя, но ты так хорош, и потом... я была голодна и устала. Мне нужно было подкрепиться. Обычно мы ведем себя очень осторожно и выбираем жертвы среди простолюдинов, имитируя несчастный случай. Но ты попался мне на глаза, и я не устояла. Простолюдины питаются хуже, поэтому у них пресная кровь, а твоя — м-м-м...

необычная! — ее голос мягкий, завораживающий, как будто убаюкивал, несмотря на кошмарные вещи, о которых она говорила.

— Я не смогла выпить всю твою кровь. На это была причина. Вот и пришлось принести тебя сюда. Процесс превращения почти закончился. Ты пролежал здесь четыре дня, еще два уйдет на восстановление сил. Пей людскую кровь. В ней не только сила, но и наслаждение. Животная пригодится на черный день. Твои инстинкты помогут тебе на охоте. Сейчас ты не голоден: в тебе много своей крови. Но время наступит. И еще, — она засмеялась тихим чарующим смехом, — не вздумай идти домой — убьют! Ты сейчас не совсем похож на себя прежнего — вроде мертвеца. Но со временем это станет привычным, вот увидишь. И кто знает, может, когда мы встретимся еще раз, ты уже не будешь так зол на меня.

Зол?! Разве можно так назвать бурю ярости, бушевавшую внутри меня. Как только я увидел ее, появившуюся в дверях, память сразу же вернулась ко мне. Я вспомнил все. Четыре дня... Что происходит дома? Меня ищут? А Диана?! Бог мой, что она думает обо мне?

— Да, тебя ищут, поэтому я унесла тебя далеко от дома, — ответила девушка на мой мысленный вопрос. Я с изумлением смотрел на нее.

— Пойми, ты стал хищником, вампиром. У

нас много особенностей, помогающих нам. Мы очень сильны, невероятно быстры и ловки. Например, легко взбираемся по отвесным и гладким стенам, читаем мысли людей и очень красивы. У нас мелодичный голос и смех. Люди при встрече с нами, как кролики перед удавом, теряют способность к сопротивлению. Через два дня ты сможешь оценить свои способности, а сейчас лежи пока здесь. Я уйду, но ты помни: тебя создала Дженесса Мур, — с этими словами она развернулась и ушла.

Если до этого момента мои муки заключались лишь в том, что я терпел боль и терзался неведением, то теперь все происходящее стало похожим на ад. За что?! Чем провинился я перед Создателем, что он позволил украсть у меня все, чем я жил? Как смогу я существовать без родных и близких, без моей любви — Дианы? Моя жизнь погибла из-за того, что проходящий мимо монстр решил немного перекусить?! Потрясение было настолько велико, что я ледяной глыбой застыл на полу склепа. Ужас и горе тисками сдавили сердце. Я оглох и ослеп от невероятной душевной боли и впал в забытие, похожее на смерть.

Я не знаю, сколько времени находился в таком состоянии. Постепенно ко мне возвращалась способность мыслить. Но меня это не трогало. Совершенно безучастный ко всему, что происходит

вокруг, я продолжал лежать, не двигаясь и стараясь отогнать все мысли. Если незачем жить — о чем можно думать?

И только тоска по дому, по родным мне людям не хотела оставить меня. Как я ни старался заглушить ее, она все настойчивее проникала в мое сознание. Желание хоть один раз, тайком, посмотреть на родных не давало покоя. Но я боялся, потому что не знал, что может случиться с ними, если я вернусь домой.

Я не ведал, что значит быть вампиром. В памяти возникали какие-то сказки и легенды. В них говорилось о страшных монстрах, пожирающих детей и убивающих всех, кто встретится на их пути. О том, как эти чудовища по ночам истязают мужчин и женщин любовными пытками и нередко убивают потом, выпивая всю кровь.

Я прислушался к себе, стараясь понять, насколько я опасен. Я вызвал в памяти маму и отца, брата и сестер, но ничего, кроме тоски по ним, не почувствовал. Я понял, что мои представления о жизни ничем не отличаются от прежних суждений. Я чувствовал, что по-прежнему люблю своих близких, хочу их видеть, скучаю. Мысли о Диане, несмотря на все попытки забыть ее, не только не оставили меня, наоборот, все сильнее завладевали мной.

Наконец я встал, измученный бесконечными

сомнениями. Боль, терзавшая меня несколько дней назад, прекратилась совершенно. Неподвижность, которая путами сковывала тело, прошла. Ощущение силы, гибкости в мышцах, стремительности в движениях неожиданно и невольно восхитило. Никогда прежде я не чувствовал такой мощи и легкости.

Поздним вечером, когда опасность встретить кого-либо миновала, я осторожно выглянул за дверь склепа. Свежий воздух, напоенный усиленными ароматами цветов, спелых яблок, скошенной травы, наполнил меня, очаровывая. Оглянувшись вокруг, я увидел скромные могилы и небольшую часовенку. Это наводило на мысль, что я нахожусь на сельском кладбище, но вблизи какого-то поместья, так как склеп мог принадлежать только знатному вельможе. Едва приметной тенью скользнув вдоль кладбищенской ограды, я стал продвигаться в сторону деревни, стоявшей поодаль. За ней на высоком холме высился небольшой полуразвалившийся замок.

Абсолютно бесшумно, с удивительной скоростью, прячась в тени деревьев, я прокрался на окраину деревни. Огромные псы, бездомные добровольные сторожа деревень, питающиеся отбросами и набрасывающиеся на любого чужака, к моему удивлению, скуля, прижав уши и хвосты, бросались от меня в подворотни. Лошади,

привязанные к коновязям, шарахались, прядая ушами и храпя. От них исходил запах, отличный от того, который я помнил. Он манил к себе, волнуя и обещая непонятное удовольствие. Я ощущал своим обостренным обонянием запах овец и коров, раньше отталкивающий и резкий, теперь притягательный и сладкий. Но сильнее всего меня привлекал запах, идущий из хижин, животрепещущий, сводящий с ума, заставляющий рот наполняться горькой слюной.

Не владея собой, я перепрыгнул через невысокую изгородь. За ней, в глубине небольшого садика, стоял дом. Я подкрался к маленькому окошку и заглянул внутрь. Возле горевшего очага сидела молодая женщина. Волосы, убранные под чепец, открывали ее белую шею; кровь ровными толчками билась под тонкой кожей. Склонившись, она качала младенца, тихо напевая колыбельную. В одно мгновение охватив взглядом убогую комнату, я бросился в атаку. Озверев, как голодный волк, учуявший запах овец, запертых в овчарне на ночь, я с неимоверной силой выламывал окно и стену, стараясь как можно быстрее добраться до своей добычи! Глухой рык рвался из моей груди. Рот в страшном оскале обнажил зубы! Ничто в этот миг не могло стать мне преградой!

В испуге подняв голову, женщина посмотрела на меня. Ужас отразился на ее лице. Прижав к

груди ребенка, она закричала. Крик, вобравший в себя всю жуть происходящего, на долю секунды отрезвил меня. «Пей людскую кровь — в ней сила!» — прозвучало в моей голове. В один миг все осознав, я замер, а затем, развернувшись, помчался прочь.

Ненависть огненным обручем сковала грудь и голову. Ненависть к себе, к Дженессе Мур, разрушившей мой мир, к моей новой сути, делающей из меня монстра, и ко всему свету, позволяющему существовать чудовищам, подобным мне! Не в силах справиться со своей болью, я с невероятной скоростью мчался по полю к лесу, темнеющему далеко впереди.

Остаток ночи и весь следующий день я провел под корнями вывернутого бурей дерева. Сгорая от ненависти и отчаяния, я решил покончить с собой. Но как только вылез из-под коряги, попал под солнечные лучи. Боль нестерпимым огнем обожгла кожу, не прикрытую одеждой. Решив поначалу, что Господь дал людям способ казнить извергов, подобных мне, чистейшим огнем солнечных лучей, я разделся и лег на полянке. Но кроме невыносимой боли со мной ничего не случилось, не было даже ожогов. Тогда я решил, дождавшись ночи, добраться до заброшенного замка и покончить с этой мукой, прыгнув с его стены. Коротая остаток дня под пнем, я думал о Диане, позволив себе перед

смертью коснуться ее имени. Я вспоминал каждое мгновение, каждый взгляд, поворот головы, улыбку, пьянящее, сводящее с ума ощущение ее близости, вкус губ, запах волос. И ненависть к своей судьбе вновь огненным обручем сдавила грудь.

Я стоял на краю башни заброшенного замка. Внизу ясно различались огромные глыбы разрушенной стены. Гроза огненными стрелами освещала окрестности, раскаты грома оглушительным набатом растекались над землей, дождь и ветер хлестали по лицу. Подняв голову к небу, я закричал:

— Тебе, — это нужно?! Ты доволен своей работой?! Кто бы ты ни был, Бог или дьявол, допустивший такое, я проклиная мир, в котором существуют чудовища, подобные мне!

Безумный хохот вырвался из моей груди. Раскинув руки, я ринулся вниз.

Боли не было. Разочарование. Пустота. Я не мог даже плакать.

* * *

Не чувствуя голода в привычном, человеческом понимании, я все же испытывал упадок сил и замедленную реакцию. Решив поначалу убить себя голодом, я вскоре понял, что

впадаю в состояние прострации, но не умираю.

Однажды в лесу, лежа в тени кустов, полностью скрывавших меня, я почувствовал запах приближающегося стада диких свиней. Отпустив на волю свои вновь приобретенные инстинкты, я стал прислушиваться: стадо приближалось с подветренной стороны и не могло меня почуять. Это был огромный секач, самки и десяток подсвинок, разжиревших к осени. Изготовившись к прыжку, я, словно барс, одним гигантским прыжком настиг самца и, вонзив свои острые, как кинжалы, зубы в его глотку, прокусил ее. Кровь горячим ключом забила из прокушенной вены, наполняя меня не пищей, нет, — жизненной силой! Горячий поток разносил по моим ледяным венам тепло и не только физическую, но и какую-то магическую силу! Казалось, сама мощь огромного зверя входит в меня вместе с его кровью. Я чувствовал его ужас и ярость, стремление спрятаться и броситься на меня. Все эмоции зверя стали моими! Мое сердце, не слышимое до этого момента, стало медленно и натужно, как тяжелый молот, биться в груди. Напившись, я отпустил, рвавшегося из моих рук кабана. Хрипя и трясясь всем телом, он отполз в кусты и замер, все еще дрожа и повизгивая от страха. В удивлении я смотрел на свои руки: сквозь дыры в разорванной сорочке, бледные до мертвецкой синевы, они на

глазах становились почти нормального, человеческого цвета. Тепло разливалось по окоченевшему в ледяном плену телу.

* * *

Страшась своей реакции на людей, я не решался приблизиться к человеческому жилью. Три месяца прошло со дня моего исчезновения. Я понял, что кровь животных вполне способна утолять мою потребность в восстановлении жизненных сил, что кровь разных животных имеет различный вкус и оказывает неодинаковое воздействие на мое тело и эмоции. Так кровь хищных зверей горячит, возбуждает, как вино, а травоядных, наоборот, успокаивает; что охотиться желательно раз в месяц, и что мне нет надобности убивать зверей. Понаблюдав за своей первой жертвой, я понял, что не нанес ей смертельного вреда.

А еще меня мучил вопрос: почему же со мной произошло обращение? Возможно, это вампирский яд, по-видимому, люди либо умирают, либо перевоплощаются.

Как-то раз, забравшись в развалины замка и спрятавшись в тень под козырьком от нависшей надо мной стены, я наблюдал за первыми снежинками, кружащимися в потоках ветерка. В

памяти всплывали картины моей человеческой жизни. Я тосковал по ней.

Вдруг я услышал чьи-то шаги, и детский голосок, прозвучавший в моей голове, произнёс: «Не хочу идти домой, посижу здесь немного. А то опять матушка погонит воду таскать для скотины».

В ужасе от того, что сейчас может произойти, я в одно мгновение, как ящерица, проскользнул в проем меж камней и спрятался в углублении. Девочка лет десяти прошла совсем рядом с моим укрытием и села неподалеку, перебирая в уме свои детские проблемы. Ее запах пробудил во мне охотничий инстинкт, тело напряглось, готовое к прыжку, рот наполнился горькой слюной. Я закрыл глаза и призвал на помощь всю выдержку, на которую был способен. Остановив дыхание, замер, схватившись за камень. Разум с усилием скрутил дикое желание. Почти час она просидела, мечтая, пока я, мучимый ее присутствием, боролся с неистовой жаждой. Но вот она ушла, и я, обессиленный, привалился к стене.

Я смог! Я устоял!

* * *

Уже стемнело, когда я подошел к крепостной стене замка Моро Драг. Быстро взобравшись по стене («все-таки удобно», — отметил я про себя),

спрыгнул в парк. Прокравшись во дворец, потайным ходом пробрался в свою комнату.

Вся одежда, что была на мне, пришла в негодность после многочисленных попыток свести счеты с ненавистным существованием. Конечно, вампиру не холодно и голышом, но все же не очень прилично. Терзая себя огнем, водой, голодом и всем, чем только может терзать себя обезумевший от ужаса человек, я, наконец, пришел к выводу, что все мои попытки напрасны, и, если мне поневоле придется жить, нужно позаботиться о необходимом.

Впервые после перерождения, я находился под крышей человеческого жилья. Знакомые запахи кружили голову. С горькой грустью я сел на свою кровать, оглядел комнату, такую неожиданно дорогую моему сердцу. Милые вещицы, привычные в обыденной жизни, теперь умиляли меня. Подойдя к большому сундуку, стоящему в углу, я поднял крышку. Сюда складывались вещи уже ношенные и отслужившие свое, если я возьму что-то, это не бросится в глаза. Выбрав темную, сшитую из крепкой шерстяной ткани, сорочку и штаны из мягкой кожи, я переоделся и по привычке подошел к зеркалу. То, что я увидел, повергло меня в шок. На меня смотрел незнакомец с моими чертами лица! Преображенное абсолютно непостижимым образом, оно было необыкновенно прекрасно, но

какой-то нечеловеческой, завораживающей красотой. Глаза, прежде голубые, теперь же совершенно черные, притягивали жуткой, невероятной глубиной — как омуты. Кожа намного бледнее, чем у людей, была совершенно гладкой, без малейших мимических морщинок, что делало ее похожей на фарфоровую.

Я долго сидел в своей комнате, не зная куда податься, и что делать дальше. Мне некуда идти. Мой дом здесь. Чем занимаются другие вампиры, меня не интересовало, это было самым последним, что я хотел бы знать. У кого спросить совета? Мой верный друг Тибальд первым бросится на меня с топором. И если бы он мог убить меня, я бы с радостью вышел ему навстречу.

Мне не хотелось уходить, и я решил остаться до утра. Я лежал на постели и смотрел в потолок. Часы пробили без четверти двенадцать. Ко всему прочему вампирскому набору мне досталась и бессонница, и как я ни старался, уснуть не мог ни днем, ни ночью.

Я думал о своей дальнейшей жизни. Мне было бы немного легче, имей я возможность остаться дома. Пусть тайно, но тогда мне не нужно будет скитаться по незнакомым местам. Охотиться я мог бы в своих лесах, благо зверя у нас достаточно.

Горькая обида невыплаканными слезами сдавила горло, быть дома и не иметь дома. Изгой,

вынужденный мыкаться по свету. Несколько месяцев провести в одиночестве, бояться самого себя, ненавидеть лютой ненавистью злосчастную Дженессу Мур. Проклясть весь мир и опустошенным, затерянным в бесконечном океане душевной боли изломанной щепкой прибиться к родному порогу.

Имел ли я право на сочувствие, на понимание? Может ли уродец, вроде меня, иметь право на жизнь среди людей? Какими словами можно выразить горечь потери, постигшей меня? Иметь счастливый дом, любящих родителей, найти любовь, жить надеждами и потерять все в одночасье — есть ли горше участь, чем моя?

Я никогда не был трусом и всегда мог постоять за себя — немногие рисковали затеять ссору со мной. Но сейчас я смертельно боялся. Боялся одиночества, неопределенности, боялся снова оказаться на улице. Самые что ни на есть человеческие страхи. Обидным было и то, что мои чувства, жизненные принципы, привязанности и даже привычки остались прежними. Я скучал по родителям, сестрам, брату. Я любил Диану, и моя любовь к ней только усиливалась со временем, не теряя остроты желания видеть ее, прикоснуться к ней. Я так же, как прежде терял голову, думая о ней. Зная, что теперь лишился ее навсегда, я мучился ревностью к ее будущему избраннику и

тосковал.

Поддавшись острому желанию, в полночь я решился пройти по дому. Мне очень хотелось вдохнуть родные запахи, ощутить тепло и привычный уют. Тихо, как тень, я выскользнул из комнаты. Подойдя к комнате Николь, прислушался — тишина, уже уехала в школу: ей учиться еще два года. Рауль тоже, наверное, уже в Версале, при дворе короля. Прокравшись на половину родителей, я услышал тихое потрескивание поленьев в камине, дыхание, и биение двух сердец. Горькие мысли матушки, оплакивающей меня, и размышления отца о продолжении моих поисков. Запах, исходивший от них, заставил напрячься мои мышцы, но мне, хотя и с трудом, все же удалось усмирить свое желание, и теплая волна нежности и любви захлестнула сердце. Я стоял в темном коридоре, прислонившись спиной к стене, и плакал сухими глазами, без слез.

Остаток ночи я провел в библиотеке, сидя у камина, который никогда не угасал. Теперь я был по-своему счастлив, обретя, наконец, приют. То, что мне удалось перенести близость родных и не тронуть их, вселяло надежду на будущее. Хоть что-то определялось в моей жизни. На рассвете я пробрался в башню, стоящую над пропастью в океан и соединенную с замком крытым переходом. Лестница, которая вела в помещение под самой ее

крышей, прогнила со временем, но ее не ремонтировали за ненадобностью, и я мог не опасаться непрошенных гостей. Зброшенная и пыльная с узкими прорезями окон — бойниц, комната, бывшая когда-то сторожевым постом, теперь должна стать моим дневным убежищем. Возможно, со временем я смогу устроиться в ней с большим уютом. Весь день я наблюдал за тем, что происходило в замке. Любовался бескрайними просторами океана, открывавшимися передо мной. Поздно вечером вернулся в библиотеку. Теперь я мог читать ночи напролет. Раньше мне всегда не хватало времени на это занятие.

Жизнь входила в какое-то определенное русло, как-то налаживалась.

Я проводил все ночи в библиотеке и только перед рассветом поднимался в свою комнату, чтобы немного почитать в постели. Я не мог отказать себе в этом, потому что так я чувствовал себя человеком.

Однажды я наткнулся на старинные рукописи Тьёдвальда Темного. Они относились к временам, когда он только начал строительство нашего замка более 500 лет назад. Чертежи на старинных свитках. Хозяйственные отчеты управляющего. Прочие документы лежали в простом деревянном ящике, задвинутом в дальний угол под книжными полками. Среди этих бумаг была одна карта, которая привлекла мое внимание. Совершенно

неприметная рукопись, полустертая, больше похожая на примитивный чертеж, видимо, поэтому и не привлекающая к себе ничего внимания. Но, осмотрев ее (только моим острым зрением можно было разобрать начертанное в ней), я сразу понял, что это уникальный документ. В нем были обозначены тайные входы в тоннели, высеченные в скале под замком.

У нас был один всем известный подземный ход, который выходил в лес и к морю. Но это было совсем другое подземелье!

Перед тем как проснуться слугам, я спустился в кухню и, пройдя мимо огромного очага, открыл массивную деревянную дверь, ведущую в хранилище вин, которое находилось в подвале. Не зажигая сечей, прошел вдоль огромных бочек с молодым вином, покоящихся на каменных ложах. Свернув в сторону, подошел к двери, запертой на огромный замок. Взял скобу, прибитую старинными заржавевшими гвоздями, и, легонько потянув на себя, оторвал ее.

«Надеюсь, днем никому не придет в голову заглянуть сюда» — промелькнуло в моей голове.

За дверями было еще одно небольшое помещение, в котором хранилась коллекция редких выдержанных вин, бывших предметом гордости моего отца.

Я прошел в самый дальний угол, туда, где в

скале была вырублена ниша с каменными полками, на которых лежали запыленные маленькие бочонки с драгоценными редчайшими напитками, и нажал на неприметный рычажок в виде каменного выступа. Ниша с глухим скрипом подалась вперед и сторону, открывая неширокий вход в подземелье. Юркнув в него, я закрыл за собой вход, нажав на такой же рычаг с внутренней стороны, и огляделся. Тоннель уходил вниз крутыми ступенями, высеченными в скале. Стены с грубыми выступами, покрытые густой паутиной, свисавшей ажурной бахромой, сходились над головой в округлый свод. Воздух, застоявшийся и густой, пах плесенью. Осторожно ступая, я стал спускаться вниз. Пройдя довольно большое расстояние, я вышел в небольшую пещеру, от которой отходили еще четыре хода. Внимательно приглядевшись, я увидел то, что искал: на стене возле каждого входа стоял знак. Возле правого — изображение дракона с саблей в пасти. Судя по карте, он вел к выходу, открывавшему доступ к морю. Я пошел по нему.

Тоннель полого спускался вниз. Вскоре воздух посвежел, в нем стал явно ощущаться запах моря. И вот, за некрутым поворотом я увидел отблески слабого света. Свернув за очередной выступ скалы, я вышел на небольшую площадку. Чуть ниже плескались волны. С океана узкий лаз увидеть было невозможно, так как его прикрывал

широкий уступ. Сейчас, во время прилива, вода стояла на уровне «высокой» воды, видимо, это позволяло лодкам подойти вплотную к скале и разгрузиться. Да, легенды о моем предке — морском разбойнике явно подтверждались: старик был, бесспорно, не промах!

Вернувшись в пещеру, я вошел во второй тоннель, у входа в который дракон лежал, положив голову на лапы. Пройдя совсем немного, я увидел два помещения напротив друг друга. Вход в каждый из них перекрывали железные решетки, а к стенам крепились... оковы! Он что, держал пленников?! Озадаченный этим открытием, я пошел дальше по тоннелю. Он заканчивался большой круглой пещерой. Из стен, покрытых плесенью и густой паутиной, в железных кольцах торчали истлевшие от времени факелы. На полу валялись остатки каких-то досок, при прикосновении рассыпавшихся в прах. Посредине пещеры высился узкий каменный стол, возле которого стояли грубые деревянные колоды, служившие, судя по всему, стульями. Скорее всего, эта пещера служила складом.

У входа в третий тоннель — изображение дракона, обернувшегося вокруг дерева и держащего в пасти ветку. Этот тоннель вел на поверхность, и выход из него находился в ближайшем лесу. Я быстро пробежал до его конца. Нашел вход в

подземелье почти полностью заваленным, заросшим травой и кустарником. Не расчищая его, я выглянул в узкую щель и запомнил ориентиры.

У четвертого входа дракон стоял на задних лапах и держал свиток, прикрывшись хвостом, как зонтом. «Предок был с юмором — устроил картинную галерею!» — ухмыльнулся я. Этот тоннель был самым загадочным. Он имел природный шурф, уходящий отвесно вниз и заполненный морской водой.

Я подошел к шурфу, как раз когда начался отлив, и, вода, кружась стремительным водоворотом, уходила вниз. Океан дышал приливами и отливами, каждые 6 часов меняя свой уровень. Во время отлива он в кипении вод оставлял за собой обнаженные острова, дно, украшенное, как драгоценностями морскими звездами, водорослями и ракушками, образуя под скалами широкий пляж. Во время прилива его стремительный подъем догонял всякого, кто замешкается, и беднягу ждала неминуемая гибель.

Не раздумывая, я бросился в воду. Обходиться долгое время без воздуха было непривычно. Мое зрение несколько не ухудшилось в воде, и я внимательно осматривал стены, стараясь понять, зачем понадобилось пробивать ход к этому шурфу. Немного погодя, я нашел ответ: в стене зиял широкий лаз. Ухватившись руками за его край, я

втянулся в него, борясь с бешеным течением. От входа вверх шли ступени, вырубленные в естественном тоннеле, вода неглубоким ручьем стекала по ним. Поднимаясь все выше, я попал в грот и остановился, изумленный.

Стены этого естественного грота были увешаны старинными драгоценными коврами и гобеленами, узкие щели пропускали неверный свет. Каменные полки и ниши, высеченные в скале, были уставлены драгоценными вазами, изящной золотой и серебряной посудой. Посреди грота стояла массивная мебель времен Роллана Нормандского, пол устилала истлевшие восточные циновки. На одном из столов я заметил ларец, привлечший мое внимание искуснейшей работой. Приподняв крышку, я увидел свитки старинных пергаментов, золотые монеты и горсть драгоценных камней изумительной красоты и размера. Полюбовавшись на камни, я стал рассматривать свитки: в них говорилось о походах моего прапрадеда. Записи не были ностальгическими воспоминаниями — скорее памятками и отчетами. В них содержались сведения о морских походах его молодости и военных вторжениях с дружинами Ролана: сколько прибыли было получено от того или иного набега, где и как были спрятаны сокровища.

Я читал, и невольно, то ужасался жестокости того времени, то удивлялся несомненному

благородству некоторых поступков Тъёдвальда и его соратников. Суровое прошлое, возможно, не позволяло деду полностью довериться своим домочадцам, и он устроил себе тайник, где мог время от времени уединиться и предаться воспоминаниям, спрятать часть своих богатств. В одном из свитков я прочел о шхуне, затонувшей во время шторма у фьордов скандинавского полуострова. На ней, судя по описаниям Тъёдвальда, находился огромный клад.

Долго, до позднего вечера, я провел в тайнике своего самого загадочного из предков, читая и пытаясь представить его приключения, его заботы и чаяния. И постепенно стал приходить к мысли, что мы с ним чем-то похожи. Мы оба, как неприкаянные, не имели цели и будущего. Он, ожидая смерти в каждом бою, не заглядывал далеко вперед. Я же вообще не мог представить своего сколько-нибудь ближайшего будущего. Но, в конце концов, пройдя долгий путь, он все же нашел свое пристанище, возможно, и мне найдется место в этом жестоком и несправедливом мире.

С трудом протиснувшись сквозь узкий проем в скале, заменяющий окно, и цепляясь за выступы, со скоростью бегущей лани я вскарабкался на верх утеса. Нырнув в заросли вереска, отправился в лес на охоту. Лесные запахи приятно радовали меня. Проведя весь день в каменном мешке, мне хотелось

насладиться чистым воздухом и размять затекшие мышцы. Легкой рысью я бежал по лесу, прислушиваясь и принюхиваясь к окружающим меня звукам и запахам, стараясь найти добычу. Наконец, в самой глуши я почуял стадо лосей и направился в ту сторону.

Глава 3

Вернувшись к себе глубокой ночью, предварительно заглянув в подвал и починив замок, я почуял свежий запах человека. В комнате кто-то побывал и совсем недавно! Внимательно оглядевшись и ничего странного не увидев, я успокоился. Возможно, заходил кто-то из слуг. В эту ночь я остался в комнате и не пошел в библиотеку. Следующей ночью, я ощутил тот же запах в библиотеке, он был тоже совсем свежим. Это меня насторожило, но застать меня врасплох не удастся никому, и я решил не уходить, но, тем не менее, быть настороже.

Однажды, придя к себе, я увидел на постели лист бумаги. Развернув его, я прочел: *«Прошу вас поговорить со мной, клянусь, что о нашей встрече никто не узнает»*. Что это может означать? Кто-то узнал мою тайну? Чем это может мне грозить? Подумав немного, я решил остаться в своей комнате и выяснить все до конца. Я принял

решение: послушаю мысли того, кто придет, и, если мне грозит опасность, уйду через окно. Если меня разоблачили, мне придется переселиться в катакомбы Тьёдвальда.

Глубокой ночью слышались шаги. Человек был один и думал лишь о том, чтобы выяснить, кто я. В его мыслях ясно читалась тревога, он не мог понять мотива моих поступков: если я злодей или грабитель, то почему так долго нахожусь в замке, так ничего и не взяв? Если я пропавший молодой сеньор, то почему не показываюсь родителям, сходящим с ума от тревоги?

Тибо! Конечно же, Тибо! Кто еще мог так рассуждать? Другой на его месте уже давно побежал бы с докладом к отцу, а ему непременно нужно все выяснить самому, прежде чем тревожить господина! Я решил остаться, и будь что будет! Хоть кто-то будет знать обо мне! Если он сможет пересилить страх и выслушает меня, то, может быть, отговорит отца от дальнейших поисков. Как знать, возможно, он и маму уверит в том, что я погиб, и она, погоревав, успокоится: это все же лучше, чем ждать всю жизнь и терзаться неизвестностью.

Тибальд, негромко постучав, сразу открыл дверь, приготовившись к атаке непонятого ему незнакомца.

— Входи, Тибо, — тихо сказал я.

И мы одновременно вздрогнули. Он — от того, что не узнал меня и не ожидал, что незнакомец знает его имя. Я — от того, что впервые слышу свой изменившийся голос. За все время, с часа своего перевоплощения, я заговорил в первый раз. Мой голос мягким, бархатным баритоном звучал, успокаивая и завораживая. Тибо послушно вошел, держа в руках небольшую свечу и закрыл за собой дверь. В его голове метались мысли от подсознательного ужаса, который я ему внушал. Я вспомнил свой страх, который побудил меня открыть глаза перед тем, как впасть в бездонную тьму, тогда, в парке, несколько месяцев назад!

У меня же его близкое присутствие, да еще в ограниченном помещении, вызвало сильнейшую жажду крови. Немыслимым усилием воли, ухватившись за спинку стула и загородившись им, словно эта преграда могла помочь, я замер в дальнем и темном углу комнаты. Мысли путались, во рту появился горький привкус ядовитой слюны, мышцы напряглись, готовые к атаке. В голове проносились заманчивые картины убийства и наслаждения от выпитой крови. Я застонал от бессилия.

Тибальд, словно почувствовав мою борьбу, отошел на предельное расстояние и, прижавшись спиной к стене, спросил:

— Кто вы? И почему таитесь?

— Ты не узнал меня, Тибо? А ведь я твой пропавший господин. Мне необходимо рассказать тебе все, что со мной произошло. Прошу, выслушай до конца, а потом решишь, что делать.

Сомнение и страх не давали ему сосредоточиться: мы оба были заложниками моего страшного превращения в монстра. Не знаю, смог бы я выдержать эту пытку, не реши он остаться и выслушать меня. Следя за его терзаниями, я отвлекался от своих. Медленно и осмотрительно я передвинулся и встал перед открытым окном. Ветерок, дующий в спину, облегчил мои мучения. Моего лица не было видно. Тибо, сомневаясь и ожидая подвоха, все же решил меня выслушать. Прежде чем он высказал согласие, я сказал:

— Спасибо, ты всегда был разумнее и выдержаннее меня. Надеюсь, что это качество поможет нам обоим, — и я начал свой рассказ. Я поведал ему все, начиная с нашей последней встречи, когда я сообщил ему о свидании, назначенном мне Дианой.

Он слушал меня с нарастающим ужасом и изумлением. Он мне верил, потому что легенды и предания, рассказываемые по вечерам на посиделках слуг, всегда изобиловали ведьмами, гномами и чудовищами, такими как вампиры. Инкуб — вампир-искуситель, по-французски фоллет, истязаящий женщин по ночам и затем

выпивающий всю кровь своей жертвы. Ожившие трупы, пожирающие маленьких детей, и «ночные охотники» за припозднившимися путниками.

Слушая, Тибо терялся в сомнениях: все, что он знал о вампирах, говорило об их звериной и неуправляемой жестокости, но вот я стою перед ним и спокойно разговариваю, не пытаюсь его растерзать. Постепенно страх ушел, он перестал бояться, а я видел пережитое мною через призму его мыслей и впечатлений. Он понимал, чем грозит мне разоблачение — инквизиция, и осознавал всю меру моего доверия к нему!

Глубокое сочувствие, сострадание и понимание читал я в его мыслях. И по мере того как мой рассказ подходил концу, он принимал решение, не только обрадовавшее меня, но и потрясшее до глубины души: Тибо решил сохранить в тайне мое пребывание в замке, служить мне и следовать за мной, куда бы я ни пошел, быть как прежде моим верным и преданным другом!

— Я надеялся на то, что ты поймешь меня, Тибо, ты мне всегда был надежным другом и мудрым советчиком. Что же теперь мне делать?

— Не знаю, мой господин, пусть пока все останется как есть, а потом будет видно.

— Тибальд, прошу тебя, не зови меня больше господином, какой я, к черту, господин. В таком-то состоянии. Настоящий монстр.

— Не говорите глупостей, монстр меня давно бы съел!

— Ты думаешь, мне этого не хочется?

Он замер, а потом, рассмеявшись, сказал:

— Верю, но еще больше верю в вас. Вы не сможете убить! Для этого вы всегда были чересчур милосердны. За это я и люблю вас, ваша милость. И он, поддавшись порыву, шагнул в мою сторону.

— Стой! — я в страхе отпрянул от него, — мне на самом деле... очень трудно держать себя в руках.

— Хорошо, хорошо, я стою, — быстро проговорил Тибо и сел на пол в своем углу. В его мыслях была твердая вера в меня, в то, что со временем все наладится. И я, облегченно вздохнув, расслабился.

— Расскажи мне, что было утром, когда поняли, что меня нет, — попросил я его.

Тибо задумался, вспоминая, какой переполох начался в замке и по всей округе. Как метались родители и родные в поисках меня. Он рассказывал, а я все это переживал, видя в его мыслях картины горя и паники. И снова горечь и гнев огненным обручем сдавили грудь.

— Никогда не прощу Дженессе Мур того, что она сделала со мной, и, если мы действительно когда-нибудь встретимся — я убью ее! — воскликнул я горестно.

— Я помогу вам, — проговорил Тибо.

— Тебе пора идти, Тибо, — сказал я, когда мы, поговорив еще немного, замолчали, — тебе нужно поспать. И помолчав, шепотом спросил то, что он ждал от меня:

— Диана, как она? Ты что-нибудь знаешь о ней?

Облегченно вздохнув, он ответил:

— Я уж было подумал, что вы никогда не решитесь спросить о ней. Ей очень плохо, господин Мишель, она слегла и долго ни с кем не говорила. Она и сейчас плоха. Ее пытались лечить, но доктора не знают лекарств от любви. Говорят, меланхолия, со временем должна пройти. Я думаю, что вам следует поговорить с ней.

— Она не уехала в Квебек?

— Нет, у маркиза еще много дел здесь в Старом Свете, а одну ее отправлять нельзя.

— Но я не могу, Тибальд, подвергать ее такой опасности, ты даже не представляешь, каких усилий мне стоит сдерживать себя!

— Мы подумаем над этим, и уверен, что найдем способ помочь ей, — ответил он, — нельзя, чтобы еще и она пострадала по вине чудовища, превратившего вашу жизнь в ад. Она очень хорошая и будет несправедливо оставлять ее страдающей по вам.

Тибо ушел, а я, оставшись один, вспоминал

свое свидание с Дианой, перебирая в памяти все до мельчайших подробностей. Сердце вновь наполнилось невыразимой тоской и любовью. Никогда мне не забыть ее, никогда ни одна женщина не заменит мне ее. Хотя я не знал, может ли вообще хоть кто-то из женщин интересоваться вампира, кроме гастрономического интереса, разумеется.

Днем, я по обыкновению отсиживался в башне. Тибо несколько раз внимательно смотрел в ее сторону, когда поблизости никого не было, а я благодарно махал ему рукой. Поздно вечером он пришел ко мне с двумя кувшинами сидра и любимым мною камамбером. Я озадаченно посмотрел на него, за все это время я как-то не задумывался о том, могу ли я есть обычную пищу, мне этого просто не хотелось.

На этот раз, не прячась в тени, я зажег свечу. Тибальд с интересом посмотрел на меня:

— Вы остались почти таким же, как раньше, только глаза...

— Как у дьявола, — подсказал я.

Он помолчал, а затем продолжил:

— Вы бледнее, чем обычно, но красивы, как ангел.

— Ангел смерти, хотел ты сказать?

— Может быть, только вот бы обрадовалась какая-нибудь старая карга, доведись ей умереть в

ваших объятиях! — усмехнулся он.

Мы уселись, каждый в своем углу. Мне было легко с Тибо, потому что он не говорил того, чего не хотел сказать, и его мысли ненамного опережали слова. Тяга к его крови еще мучила меня, но уже намного меньше, не знаю почему, возможно, потому, что я не думал о нем, как о пище.

— Как ты узнал, что в замке кто-то есть? — спросил я его.

— Собаки, сударь.

— Собаки?!

— Да, они не хотят идти в дом, вы же знаете, раньше они никогда не оставались на псарне — Энди, Титёф и Свити — любимцы маркиза всегда были в большом зале. А сейчас из дома несутся, как будто кто под хвост горящего угля насыпал. И слуги стали поговаривать, что творится неладное: вещи не на местах, стулья сдвинуты. Они вас за призрак принимают, в доме спать боятся.

Я откупорил узкое горлышко кувшина и понюхал: игристый некрепкий сидр пах целым букетом тончайших оттенков — острый, яблочный, непохожий на запах, к которому я привык. Осторожно отпив небольшой глоток, покатал его во рту: вкус, приумноженный во много раз моим усиленным восприятием, был превосходен. Тибо наблюдал за мной. Но когда я попробовал сыр, он оказался похожим на что-то омерзительное до

тошноты и совсем несъедобное. Понятно — пить можно, есть противно.

Тибо усмехнулся:

— И то ладно, выпивка она того, располагает, — и, отхлебнув добрый глоток, откинулся к стене.

— В среду мессир де Морель отправляется в поместье Пти Дюбуа, к маркизу де Бонне. Может, мне поехать с ним и попробовать договориться о вашей встрече с леди Дианой?

— Хорошо, поезжай. Ты по-прежнему считаешь, что я сам должен поговорить с нею? Может, будет лучше тебе все объяснить и не подвергать ее опасности?

— Она не поверит мне.

Да, пожалуй, он прав. Мне и самому смертельно хотелось хотя бы издали посмотреть на Диану.

— Где находится поместье ее отца?

Тибо объяснил, как добраться до Пти Дюбуа, а потом спросил:

— Как же вы доберетесь? Кони боятся вас.

— Я бегаю быстрее лошадей, — ответил я.

— Удобно, — кивнул он.

— Да, но невыгодно.

— Почему?

— Обувь стирается быстро.

— Бегайте босиком, — пожал плечами

Тибальд.

«И как я сам не догадался?» Усмехнулся я про себя. А потом спросил:

— Тибальд, ты любил когда-нибудь?

Он понял, о чем я. Опустив голову и помолчав, ответил:

— Я и сейчас люблю. Помните, когда вы уехали в школу мичманов, я ездил домой? Вот тогда-то я и встретил свою Ариетту. К сожалению, она приходится мне троюродной сестрой. Хотя такие браки и разрешены, ее отец и слышать не хотел обо мне. Скорей всего, родство здесь не причем, просто у него были другие планы, — он помолчал. В его голове проносились воспоминания. А затем, встряхнув головой и улыбнувшись, сказал:

— На свадьбе, я отвел ее жениха в сторону и шепнул:

— Если она будет несчастна, я оскоплю тебя! — судя по всему, он мне поверил.

— Мне жаль, — прошептал я.

Тибальда в десятилетнем возрасте отец привез из Парижа. Будучи сыном не очень богатого, но многодетного буржуа, Тибо не мог надеяться на хорошее наследство. Отец нуждался в помощнике, и за оговоренную плату мальчика отдали ему в услужение. В тот же год родился Рауль, и Тибо, со временем, стал его товарищем по играм. Отцу нравился смышленный и расторопный паренек, он

решил оставить его в качестве компаньона и друга для своего сына. Но Тибальд, гордый от природы, не хотел быть нахлебником и по-прежнему помогал отцу. Вместе с Раулем он учился всему, чему учили того наставники, и в духе соревнования, подгонял Рауля в учебе и во всех упражнениях по верховой езде, фехтованию и другим необходимым молодым дворянам навыкам. Когда же появился я, Тибальд, уже многое умевший к тому времени, стал моим наставником и другом.

* * *

Я ждал Тибо на лесной поляне, зарывшись в стог сена, заготовленного кем-то из крестьян. Неподалеку пролежала дорога, ведущая в поместье Пти Дюбуа. Снег шел всю ночь и толстым слоем укрыл лес. Сильный ветер, дующий с океана, гнал поземку. Хотя мне не было холодно, все же было неуютно. Полгода прошло с момента моего перевоплощения, а я все никак не мог свыкнуться со своими способностями.

Тибо должен прийти к вечеру, и я, лежа в сене, думал о возможных последствиях нашего решения. Чем грозит Диане мой визит? И состоится ли он вообще? Согласится ли она принять меня тайно? Множество вопросов беспокоило меня. Теперь, живя в доме, где все пропитано запахами

людей, я с уверенностью мог сказать, что научился контролировать себя. Меня теперь не мучила жажда в той, устрашающей как прежде, силе. Я просто все время испытывал ее. Постоянно подавляя тягу к человеческой крови, я научился не замечать ее, как не замечают боли в суставах, зная, что от нее нет спасения.

Но, меня волновало другое: причинив Диане столько страданий, могу ли я приблизиться к ней? Имею ли я право на это? Может, наша встреча вскрыет ее зажившие раны. Мучимый сомнениями, я не находил ответа до самого вечера.

Наконец, послышался стук копыт по замерзшей земле, и Тибо, спешившись у дороги, чтобы не пугать лошадь, подошел ко мне.

— Ну, что?! Как Диана?! Ты видел ее?! Как она восприняла мою просьбу о встрече?! — забросал я его вопросами, потому что не мог найти ответа в его мыслях — он думал только о кружке сидра и замерзших ногах.

— Не знаю, как насчет вашего вида и, прости Господи, еды, но характер остался прежним. Дайте передохнуть, сударь, — проворчал Тибо. Неторопливо устроившись на заснеженном боку стога, он долго сморкался в большой носовой платок.

От нетерпения я был готов покусать своего неторопливого друга, из груди поднялся утробный

рык, глухим эхом пронесшийся над лесом. Лошадь, привязанная к дереву на другом конце поляны и скрытая небольшой группой деревьев, в испуге шарахнулась в сторону. Тибо испуганно вскочил на ноги и, оглядываясь, торопливо крестился, шепча молитву.

— Ну?!.. — грозно спросил я.

Все еще косясь на меня, и молясь в мыслях, Тибо осторожно присел на край стога:

— Вы, это, не надо так. Не сердитесь. А то, чего доброго, и до греха не долго.

— Ну?... — опять переспросил я.

— Ладно, ладно. Видел я леди Диану. Вид, надо вам сказать, совсем печальный. Похудела бедняжка, осунулась, хорошо хоть есть начала, но все больше в своей комнате сидит и молится. Я через горничную попросил о встрече. Она приняла меня сразу, маркиз де Бонне был занят с вашим отцом, вот и не помешал нам никто. Я ей осторожно намекнул, что, мол, вести кое-какие имею о вас. Она сразу востропела, глаза загорелись, даже порозовела, бедняжка. А я и говорю, что вы живы, но немного не такие, как раньше, болели, и болезнь вас изменила.

— Он что, оспой болел, и теперь не хорош собой? — спросила она меня.

— Нет, — говорю, — хорош, еще как, да только видеть вас опасается.

— Почему? — спросила она.

— Сложно объяснить, — говорю, — вот бы вам с ним повстречаться да и поговорить обо всем. Только о том, что он здесь, никто, даже маркиз де Морель не знает. Тайно он здесь. Болезнь-то не заразна, но он никого, кроме вас, видеть не может.

Она задумалась о чем-то, а потом и говорит:

— Хорошо, пусть приходит. Я буду ждать его в гостиной, ночью, в час.

— Нет, — говорю, — в гостиной нельзя, лучше в вашей комнате, простите за дерзость. — Она опять согласилась, сразу, не подумав даже, храни ее Господь, только сказала, что в ее комнату трудно пройти незаметно.

— И не надо, — говорю, — он через окно, того, прошмыгнет.

— Но моя комната на третьем этаже, как же он поднимется? — забеспокоилась она.

— Неважно, он у нас ловкий. Только, как я выйду, платком махните, чтобы я знал, где ваше окно, да на ночь его не запирайте. — На том и порешили.

Я бродил вдоль кромки леса, прилегающего к поместью Пти Дюбуа. Волнуясь, вглядывался в окна, стараясь хотя бы мельком увидеть Диану. Наконец подошел назначенный час, и я пробрался к замку, стоявшему в глубине большого парка.

Перед тем, как взобраться к ее окну, я

прислонился лбом к стене и долго стоял, пытаюсь успокоиться и унять гулко ухающее сердце. Волнение, до дрожи в руках, не отпускало меня. Диана там, за окном, ждет меня. В одно мгновение я вскарабкался по стене и прильнул к стеклу. В комнате было темно — Диана не зажгла свечей. Сидя на стуле у тлеющего камина, она прислушивалась к шорохам за окном, пытаюсь понять, каким образом я проникну в ее комнату. Ее мысли были полны нежности и любви. Она волновалась так же, как и я.

Тихонько приоткрыв окно, я невольно вдохнул запах комнаты. Огонь, ударивший меня, сшиб со стены! Скользя по ней, я упал в снег, оглушенный.

Диана, ее запах!

Это было не только желание крови! Это было еще и непреодолимое желание тела!! Я сел, с трудом сдерживаясь, шатаюсь, как пьяный, ничего не соображая. Что еще за напасть? Чего, чего, но об этой стороне свидания я даже мысли не допускал! Так в чем же дело?

И память услужливо предоставила ответ — ИНКУБ!!!

Судьба еще раз дала мне пощечину! Хранивший себя для любимой, не позволяющий себе отношений свободных, принятых в наш распущенный век, я стал ночным кошмаром —

развратным фоллетом!

Я сидел на снегу, и горький смех рвался из моей груди, разрывая сердце. Я тряс головой, сдерживая нервный хохот. Нужно успокоиться. Наконец, помня, что у меня лишь сегодня есть шанс поговорить с Дианой, я, стиснув зубы, осторожно стал подниматься к ее окну. Диана по-прежнему сидела, напряженно глядя в камин, она ничего не заметила.

Открыв окно, я бесшумно скользнул в комнату. Ветерок от открывшегося окна достиг Дианы, но она, стиснув руки, не повернулась ко мне, боясь встретиться со мной взглядом. Я стоял у окна и молчал. Буря, бушевавшая во мне, не позволяла даже шелохнуться. Я боялся себя так, что даже не мог прочесть мысли Дианы. Я просто сгорал от тяги к ее телу, от желания, никогда не изведенного мной. Я был не готов начать разговор и был благодарен Диане за молчание.

— Вы пришли поговорить со мной, почему же вы молчите? — прошептала она, в конце концов, не дождавшись, когда я заговорю сам.

— Диана, — прошептал я, — прошу вас, выслушайте меня. Со мной произошло несчастье, но я люблю вас по-прежнему, и даже сильнее! Клятва, данная вам, никогда не будет нарушена мной! Но вы,... вы можете быть свободны от клятвы, данной мне. Я пришел, чтобы сказать вам

об этом. Прошу вас, забудьте меня, будьте счастливы. Хотя бы вы!

Я замолчал. Было трудно говорить. Слова жгучим комом застревали в горле.

Она поднялась со стула и подошла ко мне. Я окаменел! Еще один ее шаг,... и все! Я не выдержу! Я не смотрел на нее, боясь, что испугаю ее цветом своих глаз. Ее запах дурманил, сводя с ума.

— Мишель, — позвала она и... сделала этот шаг! Борясь сам с собой, я, чтобы не случилось беды, рухнул перед ней на колени, и, опустив голову, схватив ее за платье, удерживал на расстоянии вытянутых рук.

— Мишель, — повторила она, — прошу вас, расскажите мне все, умоляю. Я пойму и не брошу вас. Я так люблю вас, что мне ничего не страшно. Разве не такую клятву дают супруги в церкви? Я готова идти за вами, куда бы вы ни пошли, готова разделить с вами вашу судьбу до конца. Молю вас, не покидайте меня, я просто умру без вас.

Понимая, что, не открыв ей всей правды, я не смогу переубедить ее, и не видя другого выхода, я, сжав зубы, начал во второй раз свою исповедь.

Я рассказывал, а во мне бушевал ураган страсти и борьба с этой страстью! Две стихии, схватившись, ни на один миг не оставляли меня! Как в жерле вулкана плавился я от близости Дианы; разум, как ледяной ливень, топил мою страсть!

Невыразимой мукой отдавалась эта битва в моей душе и теле, требуя подчинения. Победителя не было, истощив друг друга, они усмирились. Я понял, что отныне разум сможет держать в оковах сущность инкуба, но и он никогда не даст разуму поблажки, стараясь вырваться на свободу.

Теперь я мог следить за ходом мыслей Дианы. И то, что я увидел в них, не обрадовало меня: она по-прежнему с любовью и нежностью относилась ко мне. Я, похоже, боялся себя больше, чем Тибо и Диана. Может, это потому, что они не видят всего, что творится у меня в душе. С каким монстром мне приходится сражаться внутри себя. Не знали всей гнусной, отвратительной сущности, завладевшей мной. Диана, по-прежнему любящая и верящая мне, покорно стояла и слушала, готовая оправдать любое мое преступление. Я не мог с этим смириться.

— Диана, неужели вы не понимаете, что все это значит? Я порождение дьявола! Моя душа на веки погублена. Проклята! Вы даже не можете представить, какие чудовищные помыслы владеют мной в этот момент! Какой невыносимой физической муки мне стоит находиться рядом с вами и не причинить вам вред! — воскликнул я в отчаянии.

— Вы страдаете? — она посмотрела на меня, удивленная тем, что я страдаю от ее близости, так и

не поняв причины моего страдания.

В ответ я поднял на нее свой взгляд. Увидев мои глаза, она тихо охнула и упала на мои руки. Я осторожно положил ее на кровать и, сев рядом, прижал ее ладонь к своим губам. Огонь ее запаха сжигал меня, но зная, что это последний раз, когда я смогу прикоснуться к ней, терпел, благодарный Богу за этот миг. Она медленно открыла глаза. Я, отпрянув, отпустил ее руку.

Не глядя на меня, Диана прошептала:

— Я не думала, что это так страшно, но в ваших глазах столько тьмы. Все эти легенды, ... значит, вы никогда не сможете стать прежним? Не могу поверить, что ваша душа проклята, это неправильно, ... и так несправедливо. Я буду молить Всевышнего помиловать вас. Я буду молиться о вас, и Он сжалятся, Он не оставит вас, — ее голос звучал все тише и тише.

— Диана, нет! — вскричал я в отчаянии. — Только не это!

Но ее мысли были уже не здесь. В одно мгновение Диана приняла решение. Потрясенная моим отчаянием, увидев в моих глазах бесовскую тьму, решила, что только она, невинная и любящая, способна спасти мою душу, похищенную и растленную демоном. Она решила уйти в монастырь и вымолить у Господа спасение моей душе.

Все, что угодно, только не этого я мог ожидать от сегодняшней встречи! Все, что угодно, только не это я мог принять от Дианы! Ее страх, презрение, даже ее отчаянную безоглядную любовь! Пусть! Со временем, не видя меня, все эти чувства прошли бы, стерлись, и она бы жила дальше, иногда вспоминая меня с грустью или омерзением. Но я не мог принять этой жертвы! Ни за что на свете! Я не мог допустить, чтобы и она погибла от рук проклятой Дженессы Мур!

— Диана, послушай меня, — я схватил ее за руки и вынудил встать. Взяв лицо в ладони, заставил ее посмотреть себе в лицо, — ты не поступишь так со мной! Я один, понимаешь, один, должен за это платить, пусть своей душой, жизнью, страданием, но это мой путь! Господь определил его мне!

— Он свел нас, значит, Он знал, что так должно быть. Ничто на земле не делается без Его ведома, тебе суждено перенести эти страдания, а мне помочь тебе в этом, — тихо проговорила она. Слезы катились по ее щекам.

— Диана, ... — заговорил я снова, но она приложила палец к моим губам, заставляя замолчать.

— Вы больше не должны быть здесь. Идите, но никогда не забывайте меня. Я буду же молить Бога о вашей душе. Прощайте, — и, потянувшись,

прикоснулась губами к моему лбу.

Я летел с такой скоростью, что деревья сплошной стеной проносились мимо меня. Мне нужна была эта скорость! Мне нужна была сила, способная раздавить меня, расплющить, растереть в порошок! Я должен был бороться с кем-то или чем-то, лишь бы выплеснуть из себя весь гнев и отчаяние! С разбегу, не останавливаясь, я бросился в бушующий океан. Отлив и сильнейший шторм утащили меня в пучину. Несколько дней я болтался в океане, то сопротивляясь огромным волнам, то подчиняясь их воле. Когда я вернулся на берег, то был уже не тот, кем был раньше. Даже превращенный, я сохранял в себе жизнелюбие. Теперь же на берег выходил опустошенный, не верящий ни во что человек. Моя любовь, бушующая, как ураган, сметая на своем пути все преграды, порывами страсти сотрясая каменные глыбы препятствий, улеглась. Теперь она ласковым штилем покоилась на ледяном ложе моей души, шепча воспоминания. Никому не удастся вновь поднять бурю страстей в моей душе. Пусть я и вампир — искунитель.

Тибо сидел на самом краю обрыва и, ничего не говоря, подал мне плащ. Я отбросил его в сторону. Холодно было не моему телу, а душе.

Мысли Тибо были тихими. Беспokoившийся обо мне все эти дни, теперь он, храня молчание,

радовался моему возвращению. И я был благодарен ему за это.

— Завтра она уедет в монастырь святой Тересы ордена Кармелитов, — сказал он и, поднявшись, пошел в замок.

Я остался. Ночью я вернулся к поместью Пти Дюбуа и, дождавшись, когда карета с Дианой промчалась по дороге, побежал следом. Проводив ее к самым монастырским воротам, я, прижавшись к древним стенам монастыря, словно стремясь раствориться в них, глухо застонал от тоски и боли. Ворота закрылись, отделяя от меня мою жизнь, смысл моего существования — Диану.

Глава 4

Тяжелые, темные облака низким сводом давили на землю. Безветрие. Последний мартовский снегопад крупными хлопьями с тихим, неслышным человеку шорохом ложился на землю пушистым одеялом. Снег падал медленно, сплошной стеной, приглушая звуки. Мыши, бегая под снегом, переговаривались тонким писком. Лиса, выйдя из кустов, прислушивалась к их возне. Птицы, забившись от непогоды в пушистые ветки сосен, трепетом своих маленьких сердец дополняли мелодию притихшего леса. Где-то далеко на юге волки, сбившись в стаи, играли свадьбы.

Я медленно брел по лесу, не имея цели, просто так. В замке царил хаос. Тибо подкупил крестьян из соседней провинции, и они принесли мои вещи, в которых я был в день исчезновения. Лохмотья были в овечьей крови и крестьяне заявили, что нашли их в лесу. Слуги, теперь прочно уверовавшие, что я призрак, бродящий по замку, бегали по нему с молитвами и святой водой, особенно стараясь в моей комнате. Родные готовились к тризне. В замке было полно приглашенных и священников.

В подземельях сидеть неудобно, и я бродил по лесу.

Орден Кармелитов. Мысль о том, что Диана выбрала именно этот монастырь, не давала покоя. В этом монастыре строгий устав, обязательное постоянное соблюдение строгого поста. Аскетическая жизнь вынуждала долгое время находиться в крошечных кельях, пребывая в молитвах и размышлениях. Все это могло губительно сказаться на здоровье Дианы.

Выйдя на тропу, ведущую на запад, к монастырю святой Тересы, я остановился. В вечернем воздухе чувствовался незнакомый запах. Мышцы непроизвольно напряглись, я тревожно огляделся, инстинктивно чувствуя угрозу. Запах свежий, кто-то прошел совсем недавно в сторону монастыря!

Диана! Ей может грозить опасность! Я вихрем бросился по следу.

Он стоял на монастырской стене и, сложив руки на груди, смотрел на окна келий, выходящих в сторону леса. Густой снегопад и сумерки скрывали его фигуру. Темный плащ широкими складками спускался с плеч, широкополая шляпа с изящным пером и шпага на поясе — он был похож на обычного человека, но запах, ... теперь я знал, как пахнет вампир. Я прислушался, стараясь уловить его мысли, но в ответ — тишина, ничего, значит, мы не слышим друг друга.

Внезапно, он повернул голову в мою сторону, глубоко вдохнув, принялся и стремглав бросился вниз. На вид ему было лет тридцать, по человеческим меркам. Светлые волосы, красивые благородные черты лица. Глаза черные, как мои, отливали красным. Губы на бледном лице выделялись ярко-красным цветом, что придавало им необыкновенную чувственность. Пригнувшись, он зарычал, его зубы обнажились в свирепом оскале. Я повторил его движения машинально, словно всегда знал, как это делается. Угрожающий, низкий рык поднялся из моей груди.

Вдруг вампир пригнулся к самой земле, оттолкнулся от нее руками и ногами и как-то неестественно, по-звериному, бросился на меня. От этого вида я замешкался, но лишь на мгновение.